

Хроники Субъективной Вселенной

Иди Фри

I. Подозрительное наследство

Эта история, как и многое другое в человеческой жизни, начинается со смерти. Умер дядя Гриша, которого я не видел с тех самых пор, как он двадцать лет тому назад эмигрировал по еврейской программе в Германию. Поселившись за рубежом, он не поддерживал никаких отношений с семьей, поэтому еще недавно, о нем было известно лишь то, что до своего отъезда из СССР дядя работал зубным врачом. Даже когда пал железный занавес и стали возможны заграничные поездки, он ни разу не выходил на связь и ни с кем не встречался. Что касается меня, то за долгие годы, я успел полностью забыть о его существовании. Но ничего удивительного в этом нет: мы виделись всего один раз, причем мне было тогда около семи лет от роду.

Однако сейчас я был вынужден вплотную познакомиться с тем, что некогда являлось его жизнью. Причиной этому послужило удивительное событие и оно, как это ни странно звучит, касалось моего наследства. Неожиданно выяснилось, что потерянный дядя Гриша оставил мне кое-какое заграничное имущество. Об этом факте мне по телефону сообщил его душеприказчик, а заодно и адвокат еврейской общины, в которой, как оказалось, состоял мой дядя. Представившись Михаилом Соломоновичем, юрист, не особо вдаваясь в подробности, пригласил меня посетить Кобург, произнести несколько слов над могилой усопшего и получить-таки наследство.

Я тут же представил себя у гроба в окружении немецких друзей дяди Гриши. В самом деле, что я вообще могу сказать скорбящим людям о человеке, которого не знал совершенно? Впрочем, сначала я не поверил в эту историю и воспринимал её как ошибку, неуместный розыгрыш или даже некую махинацию. Однако через несколько дней мне пришло заказное письмо с официальным вызовом в Германию и я, наведя некоторые справки, все же принял решение ехать. Тем не менее, на похороны я, к счастью, не успевал с самого начала. И прежде всего, мне следует благодарить за это удобный визовый режим между нашими странами. В итоге неторопливая процедура оформления документов, покупка билетов на самолет и улаживание дел на работе, отняли у меня почти целый месяц.

К тому же, наша компания получила большой заказ на работу по интеграции компьютерных систем от двух конкурирующих производителей. От меня в этом проекте требовалась реализация механизма по организации прозрачного доступа пользователей одной среды к ресурсам другой. Без всякого преувеличения, это была достаточно трудоемкая работа, начальство капризничало и мне удалось выбить отпуск всего на три рабочих дня, хотя, по моим представлениям о бюрократии, такого срока едва хватало на то, чтобы только приступить к... чему бы то ни было.

Поэтому, прилетев в аэропорт Мюнхена хмурым субботним утром, я первым делом направился в офис «EuroCar», где забрал, арендованный еще из Москвы, автомобиль. Печально сознавая, что столицу Баварии мне в очередной раз увидеть не пришлось, я по неизведанным дорогам малознакомой страны, торопился добраться до пункта своего

назначения на противоположном конце этой земли. Однако все мои смутные опасения были напрасны. Пользуясь электронным навигатором, радуясь скоростным немецким банам и делая поправку на мой топографический кретинизм, я без всяких приключений пересек Баварию с юга на север, и еще до темноты поселился в уютном номере одного из трехзвездочных отелей славного города Кобурга.

Устроившись в гостиничных апартаментах, я сразу связался с Михаилом Соломоновичем. Несмотря на выходные, адвокат был настолько любезен, что сам предложил мне встречу следующим, то есть, уже воскресным утром. Покончив, таким образом, со своим единственным важным делом, остаток вечера я решил употребить на прогулки по окрестностям.

На самом деле я, конечно же, хотел штурмовать неприступную крепость Фесте и овладеть Коронай Франконии. Как выяснилось, на крепостной холм ведут две дороги: одна быстрая, но трудная, другая длинная, но легкая для подъема. Так, по крайней мере, значилось на белых табличках указателей. Я, естественно, выбрал первую. Помаявшись не меньше, чем это предполагалось на долгой дороге, я выбился из сил и добрался наверх уже затемно. С трудом переводя дыхание и проклиная сидячий образ жизни, но не любовь к пиву и сладкому, я с досадой убедился в том, что крепостные ворота уже заперты. Пришлось возвращаться обратно, продираясь сквозь заросли, которые в темноте стали казаться особенно густыми. В итоге ничего, по большому счету, не разглядев, я испытывал необъяснимый прилив гордости за себя и свой сомнительный подвиг. Более того, это ощущение ничуть не убавилось, даже в тот момент, когда я обнаружил, что к воротам средневековой крепости, ведет широкая автомобильная дорога. Турист, что с меня возьмешь.

Уставший и голодный, я спустился на главную площадь перед ратушей. Большинство питательных заведений было уже закрыто, но побродив немного вокруг, я обнаружил в переулке крохотное кафе, где на скорую руку делали турецкие дёнер-кебабы. Зайдя внутрь, я поздоровался с белокурой продавщицей и ткнул пальцем в цветастую картинку с едой. В том смысле, что вот этот, пожалуйста. Девушка за стойкой приветливо кивнула и, пробурчав что-то невнятно немецкое, принялась разрезать булку. Сначала мне даже показалось, что все прошло гладко, но вместо того, чтобы продолжать готовить шаурму, блондинка вдруг остановилась и принялась задавать вопросы. В результате последовал достаточно долгий и мучительный для обеих переговаривающихся сторон диалог: без знания немецкого, я на плохом английском пытался что-то объяснить по поводу салата, лука и соуса. Ситуация усугублялась еще и тем, что помещение было забито подростками, которые жевали картошку фри и ужасно при этом галдели. Блондинка за стойкой улыбалась, разводила руками и, перекрикивая гомон, продолжала выяснять детали о всевозможных наполнителях. В какой-то момент, диалог зашел в окончательный тупик и я на отчетливом русском чертыхнулся.

– Так вы с России! – обрадовалась на это девушка.

Дальнейшие вопросы по поводу фастфуда решились быстро и просто. Попутно также выяснилось, что продавщицу зовут Римма, и она приехала сюда из Белоруссии. Когда шаурма, наконец, была готова, я тепло попрощался с почти соотечественницей и с облегчением покинул крикливый подростковый ад. По дороге в гостиницу я жевал сочную лепешку, капал соусом и гадал, что преподнесет мне грядущая встреча с адвокатом.

Воскресенье началось со шведского стола в ресторанчике отеля. Постаравшись не нарушить тонкую грань между насыщением и обжорством, я как следует перекусил континентальным завтраком и отправился на встречу с Михаилом Соломоновичем.

Юридическая контора располагалась в непосредственной близости от моей гостиницы и рядом с центральной площадью города, а если повернуть за угол, то через пару домов был

вход в турецкую забегаловку со вчерашними дёнерами. Положительно, мне все больше нравился город, где все находится рядом.

В приподнятом настроении я поднялся в пустой офис и тут же наткнулся на Михаила Соломоновича. Пожав друг другу руки, мы с ним обменялись официальными бумагами и удостоверениями личностей. После чего, я быстро узнал, что Михаил Соломонович носит краткую, но весьма емкую фамилию Пейн, а юрист без всякого предупреждения углубился в длительное изучение моего паспорта. Возникла пауза, во время которой мне ничего не оставалось делать, как начать разглядывать его самого.

Михаилу Соломоновичу оказалось за пятьдесят. Это был лысеющий толстячок, с хитрой искоркой живых глаз и суетливыми манерами. Пухлые стекла очков и, не застегивающийся пиджак с кожаными заплатами на локтях, дополняли облик типичного юриста.

– Соболезную, соболезную! Горе, такое горе! – вдруг рассыпался Михаил Соломонович, неожиданно переходя к деловой части встречи. – Как же, как же! Потерять дорогого родственника, горячо любимого дядю...

Мне стало неловко, но я взял себя в руки и согласился:

– Да-а-а, – протянул я. – Но, к сожалению, мы мало общались. И я несколько не в курсе... "Что значит мало? Совсем не общались и, я о нем вообще ничего не знаю. И понятия не имею, почему он решил оставить мне хоть какое-то наследство", – вот, что следовало сказать, но вместо этого я покраснел и замолчал.

– Но, не это главное, – пришел мне на выручку Михаил Соломонович. – Важно, что Григорий Маркович Брунберг, указал вас наследником – *heres ab intestato*.

Юрист для убедительности поднял указательный палец вверх и со значением посмотрел на меня поверх очков:

– Мы много времени провели вместе, – продолжил он. – Составляя завещание таким образом, чтобы *ex lege* оно без перечислений каждого элемента по отдельности, полностью включало в себя имущество Григория Марковича, движимое и недвижимое, с одной целью: сделать вас своим единственным наследником. Это казалось ему архиважным.

Дальше на протяжении четырех с половиной часов, с перерывами на кофе, мы обсуждали завещание и всевозможные детали оформления наследства. Нет смысла рассказывать обо всем этом, тем более что воспроизводить речь адвоката мне очень сложно. Скажу лишь, что дядя Гриша оставил мне свой дом с гаражом и участком, автомобиль, пару сотен тысяч евро на счету банка и кое-какие другие мелочи. Так, неожиданно для себя, я оказался достаточно состоятельным бюргером. Правда, со всего этого еще предстояло заплатить приличную сумму налога. В частности поэтому, Михаил Соломонович настоятельно рекомендовал продать ему дом, по цене, „едва ниже рыночной стоимости“, иначе „вам, как российскому подданному, с этой недвижимостью придется еще долго мучиться“. Здесь я чувствовал лукавство и отвечал уклончиво, предлагая не спешить и сначала закончить оформление наследства.

Также в разговоре прояснились некоторые детали и о жизни, и смерти моего дяди в Германии. Когда двадцать лет назад дядя Гриша переехал в эту страну, как и многие другие эмигранты, он не смог сразу же устроиться на работу и долгое время жил на пособие. Посещал множество курсов повышения квалификации, изучал смежные профессии, например, ветеринарию. Это кажется курьезным, но бывший зубной врач одно время обучался даже компьютерным технологиям и программированию. В конечном итоге,

ему удалось подтвердить свой советский диплом зубного врача. Тогда, примерно через десять лет, дядя Гриша перебрался в Кобург и устроился работать по своей основной специальности. По-прежнему оставаясь нелюдимым и мрачным типом, он зарекомендовал себя одним из лучших зубных мастеров в Баварии. С этого момента дела его пошли в гору, дядя начал зарабатывать, купил дом. Из-за особенностей характера, друзей у него не было, отношения с еврейской общиной складывались не лучшим образом, и, в конце концов, дядюшка окончательно со всеми рассорился. Со временем его замкнутость только увеличивалась и последние несколько месяцев, перед тем как он попал в больницу, его почти не видели на улице. Подробности о том, что было в самом конце, я лучше опущу.

Когда я, наконец, вырвался на свободу, был третий час дня. Я вернулся в номер отеля и убрал в сейф пухлую папку с бумагами по наследству. Посещение дядиного дома мы договорились устроить только завтра, поэтому вся вторая половина дня у меня была абсолютно свободна. Я переоделся в более свободную, легкую одежду и снова отправился исследовать город. Светило яркое, теплое солнышко и, несмотря на то, что в небе уже отчетливо проглядывала осенняя бездонность, горожане ходили в футболках и джинсах. Трудно было поверить, что в Москве уже выпал снег. Это отвлекло меня, я почувствовал прилив жизненных сил и пустился в путь по лабиринтам улиц.

Я бродил по Кобургу и, меня грела приятная мысль о том, что возможно, я скоро стану жителем одного из этих домов. В руке у меня была зажата черствая булочка, в разрезанной пасти которой смешно болталась длинная кобургская колбаска. Купив этот хот-дог на рыночной, я дожевал его на площади перед величественным фасадом дворца Эренбург. После чего вдоволь насмотревшись на неоготику, я повернулся к ней спиной и через парк направился к холму, надеясь в этот раз успешно покорить Фестунгсберг и посмотреть-таки крепость изнутри. Наученный горьким опытом, я в этот раз обогнул его с нужной стороны и без труда попал внутрь Фесте. Там я проделал все, что полагается совершать туристу в средневековом замке. С высоты одной из башен я оглядел живописные окрестности, затем спустился в подвалы и казематы, зашел в музей и, так увлекся коллекцией картин, гравюр и рыцарских доспехов, что проторчал там несколько часов. Удивительно, что я почти ни разу не вспомнил о небольшом ресторанчике, устроенном прямо здесь, в крепости.

Зато когда я выбрался наружу, оказалось, что уже вечереет. Красное солнце закатилось за горизонт и становилось свежо. Я поспешил в отель. И, хотя большую часть этого дня я провел как беззаботный турист, возвращаясь в гостиницу, я понял, что чувствую волнение и ответственность за репутацию будущего горожанина.

На следующий день Михаил Соломонович доставил меня к дому дяди Гриши на своем личном „пассате“. По дороге мы обсуждали немецкий автопром и сошлись во мнении, что даже „не очень молодые машины“ отлично служат, при условии, что владельцы ездят на них аккуратно и пользуются качественным немецким сервисом. Между тем, весь путь от рыночной площади до дома, занял у нас едва ли больше пяти минут. Но, несмотря на это, сам маршрут запомнился мне плохо, я все время отвлекался на мох, свежие ростки которого пробивались в углу лобового стекла. Поэтому, когда в конце поездки, автомобиль начал забираться вверх, я было решил, что дом дяди Гриши располагался на склоне все того же неприступного холма Фесте, однако выйдя из машины, я увидел крепостные башни совсем в другой стороне. Фестунгсберг, конечно, не единственная возвышенность в Кобурге.

Я начал оглядываться. Вверх и вниз от меня холм был усеян игрушечными двухэтажными домиками, обрамленными ячейками садов и заборов. Среди них был и дом дяди Гриши, подобно своим братьям близнецам, он тоже утопал в зелени, скрывая свой беленый фасад за непроницаемой стеной живой изгороди.

– Вот ваш, – Михаил Соломонович кивнул на левые ворота сдвоенного гаража. – Правая, стало быть, ваших соседей.

Пока я крутил головой, пытаюсь в абсолютной симметрии обоих домов найти несколько отличий, мой спутник звякнул связкой ключей и отворил чугунную калитку сада.

Зеленая лужайка без всяких клумб и цветов, бетонные стены и французское окно, так выглядел задний дворик дома.

– Со стороны парадного входа – длинная лестница, – пояснил адвокат. – Тяжело подъехать, да и подниматься тоже.

Я кивнул, принимая к сведению. Потом мы пересекли лужайку и вошли в дом. Внутри жилище уютилось вокруг винтовой лестницы, пронизывающей, подобно позвоночнику, все строение от подвала до чердака. На первом этаже располагалась гостиная, через которую мы попали внутрь, дальше был холл и главный вход, слева короткий коридор до кухни и туалет. На втором этаже имелись три больших комнаты: кабинет, спальня и библиотека, а также две маленьких: ванная с туалетом и закуток, использовавшийся в качестве кладовки. Чердак был пыльным, запущенным и в целом скучным, там лежали какие-то пыльные коробки. А, вот, разделенный на три части подвал, был более интересным местом. Одна комната была богатым складом ненужных вещей, среди которых виднелась даже парочка старых компьютерных корпусов. Казалось бы, для чего стоматологу вычислительная техника? Но тут я вспомнил про курсы по программированию. Другая комната явно использовалась как подсобное помещение. Тут был бойлер, две стиральных машины: рабочая и сломанная, гладильная доска и те из ящиков с коробками, которые почему-то не попали в первую комнату. Холодная металлическая дверь в последнее помещение подвала оказалась закрытой. Не один ключ из связки Михаила Соломоновича к ней не подошел.

– Где-нибудь в столе лежит, – прокомментировал это адвокат. – Очень аккуратный человек был ваш дядюшка и скромный в быту.

И, похоже, что так оно и было. В доме все вещи лежали на своих местах. Даже хлам в подвале, как я уже упоминал, был запакован в коробки и сложен стройными рядами. Обстановка во всех комнатах была аскетична и функциональна. Гостиная обращала на себя внимание отсутствием телевизора, вместо него на тумбочке в углу имелся небольшой радиоприемник. Изобилующая медицинскими справочниками и журналами библиотека, также содержала на своих полках множество томов художественных произведений, а несколько наивных брошюр в желтых бумажных обложках из серии „ЭВМ для чайников“, указывали на добросовестное отношение к компьютерным курсам. Отдавая должное прежнему владельцу, необходимо сказать, что позднее среди медицинских изданий обнаружили и труды самого дяди Гриши. Кабинет со своими книжными стеллажами, оказался логическим продолжением библиотеки, разве что вместо потертого кожаного дивана, у противоположной от входа стены стоял массивный письменный стол с лампой и древним компьютером – ровесником собратьев из подвала. Я рискнул включить агрегат и щелкнул тумблером. Системный блок зажужжал и по крошечному 14-и дюймовому монитору неторопливо побежали строчки команд автозапуска DOSa, а еще через некоторое время начал загружаться «Doors 3.11 для командной работы». Было видно, что компьютером не пользовались десятилетиями, поэтому я бросил его и продолжил осматривать помещения. Почему-то в спальне, на столике у окна обнаружился архаичный докторский саквояж со всевозможными медицинскими инструментами, больше подходящими, на мой непрофессиональный взгляд, терапевту или хирургу, чем стоматологу. Впрочем, это могло быть удивительным, если не знать о ветеринарных курсах. Кровать была узкой, металлической и скрипучей. Скромный платяной шкаф. Ванная и оба туалета были чисты и опрятны.

Больше ничего интересного я не обнаружил. У меня сложилось впечатление, что в целом нетребовательный к обстановке обитатель этого жилища предпочитал не раздражающие глаз коричневые, бежевые или светло-зеленые тона. Или возможно, он просто не обращал на них внимание.

Уже вечером, перед самым уходом, в библиотеке нашелся старый альбом с фотографиями, на некоторых из них, я с трудом узнал дядю. Свежих карточек в альбоме не было. В результате, покидая дом, я так и не понял, чем, кроме стоматологии, жил этот человек, о чем думал и, главное, почему именно мне, он оставил свое наследство.

Ночью со вторника на среду меня ждал поздний рейс в Москву, поэтому следующим днем я уезжал обратно в Мюнхен. Нет, не вижу никакого смысла подробно рассказывать о скучной дороге обратно. Как и любое прощание, это всегда грустная история. Кроме того, по традиции я опять не увидел самого Мюнхена. Зато необходимо упомянуть, что через полгода, в конце весны, все формальности были улажены, и я вступил в наследство, обретя свою собственность в Германии.

На этом рассказ о странной жизни и трагической смерти потерянного дяди, следовало бы закончить, однако, я не могу этого сделать, поскольку все, о чем я писал выше, является всего лишь необязательным вступлением к основной теме моей истории. Более того, этот не в меру затянувшийся пролог, был необходим только для того, чтобы подчеркнуть невероятность последовавших за ним событий. Поэтому переходя к содержательной части повествования, я постараюсь излагать факты предельно кратко и точно.

II. Весь мир в кармане пиджака

Итак, в начале лета я вернулся в Германию, намереваясь провести там отпуск и обжить, теперь уже свой собственный, дом.

В Кобурге все было замечательно. Отличная погода, лето и солнце. В моей душе царят спокойствие и ощущение свободы, чувства которые в России заменяются постоянными тревогами и опасениями.

Я забил старенький холодильник едой и принялся за уборку: в меру своей лени стер пыль в комнатах и, по возможности, убрал дядины вещи в коробки. Потом мне это надоело, и я отправился в букинистический рай библиотеки и кабинета.

В итоге я добрался до компьютера и включил его. Оказалось, что за пятнадцать лет, с момента первоначальной его установки в середине 1994 года, в нем не было создано ни одного нового файла. Похоже, что им вообще ни разу не пользовались. Хорошо сохранившийся музейный экспонат.

В течение дня я несколько раз выходил на улицу и пару раз видел соседей, они улыбались, но глядели настороженно, не понимая, что можно ожидать от очередного выходца из России. В общем, я прекрасно провел в доме день, но на ночь ушел спать в гостиницу. Уж слишком неуютно я чувствовал себя в пустовавшем жилище покойника.

Следующим утром я вернулся обратно и продолжил наводить в доме порядок. И все было бы хорошо, но около полудня мою работу на кухне прервал незнакомый звук. Это был негромкий, но настойчивый зуммер электронной сигнализации. В поисках его источника, я прошелся по дому и спустился в подвал. Здесь тревожный звук был гораздо сильнее и исходил он от той самой железной двери без ключа.

Предчувствуя неведомые беды, я подошел ближе и, не смотря на то, что ключа от двери у меня по-прежнему не было, я, на всякий случай, потянул за ее холодную металлическую ручку. Дверь, вопреки моим ожиданиям, приоткрылась. Из образовавшейся щели потянуло холодом, а звук сигнализации значительно усилился.

Делать было нечего, теперь это была целиком моя проблема. Поэтому я отворил дверь полностью. Внутри, вероятно сработав от датчика движения, автоматически зажегся свет, и я оказался стоящим на пороге... крохотного вычислительного центра.

Вначале я не мог поверить, что здесь в Кобурге, в доме бывшего дантиста, передо мной находится типичное серверное оборудование: две полноразмерные 19-и дюймовые стойки, шкаф промышленной системы охлаждения и блок резервного питания.

„Шпионаж, спецслужбы, хакеры? Что все это может означать?“

Тем не менее, я вошел внутрь, и кое-как собравшись с мыслями, начал разглядывать компьютерную технику.

Чем бы все эти устройства ни занимались, они делали это очень усердно, поскольку большинство их индикаторов весьма интенсивно перемигивалось. Правда среди деловито-рабочих зеленых огоньков, во множестве встречались тревожные оранжевые, а то и опасные красные индикаторы. Похоже, что довольно большое количество работающих в подвале систем, находилось на грани сбоя или уже полностью вышло из строя. Эти-то поломанные устройства и являлись источником надоедливой сигнализации, звук которой я услышал из кухни. Что же касается железной двери в серверную, то она, вероятно, открылась автоматически, когда уровень поломок стал критичным для работы таинственного комплекса.

Обходя помещение, я сделал еще два открытия. Вначале у дальней стены обнаружился длинный стеллаж с запчастями. Тут хранились жесткие диски, лезвия для блейд-шасси, серверы, оптические и медные коммутаторы, всевозможные кабели, модули, трансиверы и платы. Видимо, все эти компоненты предполагалось использовать для починки работающего в стойках оборудования.

Второй находкой была небольшая операторская комната за прозрачной перегородкой. В отличие от серверной, здесь было тепло и тихо. У самого „окна“ стоял письменный стол с современным компьютерным терминалом и удобное кресло напротив него. В углу расположился шкаф, заваленный бумагами и компьютерной документацией, а слева от него приютился офисный кулер с полупустым баком воды.

В этой комнате я решил сделать привал и хорошенько подумать. Усаживаясь в кресло, я случайно задел мышку терминала и дремавший до этой поры компьютер очнулся. На экране включившегося монитора отобразилась обширная панель управления, в заголовке которой, значилось: „Физическое состояние“, ниже к себе привлекала к себе внимание истерично-мигающая надпись: „Внимание! Статус: желтый“. Все остальное поле окна было занято схематичным изображением оборудования в соседней серверной комнате. Разглядывая эту внушительную картинку, я не сразу осознал, что все надписи и прочие элементы пользовательского интерфейса, как ни странно, написаны по-русски. Зато я заметил, что кроме вкладки состояния оборудования, в панели имелись еще три: „Компоненты среды“, „Оболочка“ и „Симуляция“. На последней мое внимание привлекла строчка, где несколько раз в секунду увеличивался многозарядный счетчик «циклов». Кроме того, окно панели управления было чуть сдвинуто к левому краю экрана. Таким образом, справа осталась узкая полоска «рабочего стола», в нижнем углу которого отчетливо виднелась пиктограмма файла readme.txt.

Недолго думая, я дважды кликнул мышкой по этому значку. В конце концов, это же мой собственный дом и все, что находится в нем, тоже принадлежит мне. Только сейчас мне пришла в голову мысль, что хитроумное дядино завещание изначально было составлено в такой форме, чтобы оставить в секрете таинственное содержимое подвала. Но зачем дядя Гриша скрывал свой вычислительный центр, мне было не известно.

Между тем текстовый файл открылся, и передо мной оказались такие строки:

Племянник, здравствуй!

Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет, и дверь во Вселенную открылась тебе. В данный момент как новый владелец Вселенной, ты должен знать следующее:

*Ничего опасного или противозаконного твой комплекс не делает;
Твой комплекс находится в аварийном состоянии и требует от тебя немедленного вмешательства.*

Прежде чем ты дальше продолжишь читать мое письмо, иди и замени все сломанное оборудование. На это твоей квалификации хватит, обо всем остальном Вселенная позаботится сама. Необходимые компоненты ты обнаружишь в стеллаже у противоположной стены серверного помещения.

Когда все закончишь, найди Глазок и смотри.

За годы самостоятельной жизни у меня выработался стойкий иммунитет к чужому мнению, которое я обычно воспринимаю как рекомендацию и не спешу применять в качестве руководства к действию. Особенно, если оно формулируется в виде столь бесцеремонного приказа. Однако в данном случае мне стало очевидно, что в отношении аварии автор письма был совершенно прав: я собственными глазами видел удручающее

состояние вычислительного комплекса, работающего, похоже, только на честном слове и дублирующих системах. Поэтому подавив раздражение против усомнившегося в моей квалификации дядюшки, я взял себя в руки и начал рассуждать логически.

Ход моих мыслей был примерно таков: «вне зависимости от того, чем заняты компьютеры, они делают это уже больше, чем полгода, следовательно, если я предотвращу их поломку, то статус-кво нарушен не будет. Зато у меня появится время во всем разобраться. А если что, выключить рубильник я всегда успею».

В общем, чинить оборудование я закончил только вечером. У двери выросли горки сломанных дисков и блейд-серверов, вентиляторов и блоков питания, вокруг змеились медные и оптические пачкорды. Когда я заменил последнее сломанное устройство, сигнализация успокоилась, и теперь внутри серверной слышался лишь тихий хруст дисков, да шум ветра из кондиционеров системы охлаждения. Возвращаться в гостиницу мне не хотелось, я остался в доме и провел остаток ночи, разбирая записки моего покойного дяди.

За бесчисленными чашками кофе, я узнал, чем именно занимается вычислительный комплекс, почему мой дядя пишет его название без кавычек и, что означают «циклы» на вкладке «Симуляция». Потом я включил «Панель управления» и заглянул в пресловутый «Глазок». После увиденного, выключать комплекс мне расхотелось, более того, я изо всех сил решил продолжать начатую дядей работу.

Впрочем, обо всем по порядку.

А для этого снова придется вернуться на двадцать лет назад, когда безработный дядя всеми способами пытался найти хоть какую-нибудь работу. Ему это не удавалось и он, в отчаянной попытке приобрести новую квалификацию стал посещать даже компьютерные курсы.

Из дядиных записей, я узнал, что на одном из занятий по программированию, слушателей познакомили с алгоритмом игры «Жизнь» Джона Конвея. Идея компьютерной вселенной поразила дядю.

С этого момента он мечтает создать свой собственный виртуальный мир. С бешеной энергией он начинает изучать физику, химию и биологию, математику и астрономию, но больше всего времени уделяет компьютерным технологиям и программированию. Все денежное пособие уходит на учебники, вскоре он покупает компьютер. Параллельно с этим, дядя продолжает искать работу по своей специальности и, в конце концов, удача улыбается ему, он находит её в Кобурге.

Обосновавшись на новом месте, дядя быстро становится на ноги, зарплата дантиста позволяет ему приобрести в кредит дом и начать реализацию планов по созданию виртуальной Вселенной, построенной по законам им же разработанной теории «Пристального внимания». Днем дядя лечит больные зубы, вечерами программирует свою идею. К этому времени большинство моделей уже отработаны в персональном компьютере, но его мощности не хватает, чтобы в приемлемые сроки просчитывать даже самые общие циклы жизни Вселенной.

Тогда дядя оборудует в подвале серверное помещение и начинает трудиться над «Оболочкой» Вселенной на базе операционной системы FreeBSD. Для ускорения алгоритмов расчета циклов, дядя применяет некий математический аппарат, который он именуется „Моделью последовательного уточнения результатов“.

На момент обнаружения серверной, это была уже восьмая версия «Оболочки» и пятое поколение вычислительного оборудования. За счет современных компьютерных

технологий и, главное, алгоритмов, разработанных самим дядей Гришей, ему удалось существенно разогнать скорость расчетов всех объектов во Вселенной, и теперь она составляла от двадцати миллисекунд до минуты, в зависимости от «глубины детализации», на каждый цикл Вселенной.

К сожалению, дядя Гриша не позаботился отдельно сформулировать постулаты теории и выписать формулы, они все оказались закопанными в недра программного кода языка «С». Даже сейчас из-за сложности математических вычислений, «Модель последовательного уточнения» и теория «Пристального внимания», во многом, остаются для меня непонятными, а в самые первые дни, единственное, что я улавливал, были комментарии к исходному коду модели «Уточнения». Вероятно, дядя считал их весьма уместными, забавными и понятными, но мне так не казалось:

*- Вы не можете точно знать, что делает стол, когда вы на него не смотрите.
- Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, существует предел точности измерения квантовых величин.*

Что же касается реализации своей модели Вселенной, дядя постарался в полной мере наделить её существующими в природе физическими законами и свойствами, поэтому в ней имеется все: от кварков, до галактик. Однако подобная Вселенная содержит в себе бесчисленное количество разнообразных объектов, за которыми «Оболочка» должна непрерывно следить и рассчитывать циклы их жизни. Понимая физическую невыполнимость такой задачи, я долгое время считал невероятным, чтобы на скромном оборудовании подвальной серверной, дяде удалось проводить расчеты поистине вселенского масштаба. Но виртуальная Вселенная, вопреки моему мнению, работала. Ответ на эту загадку оказался тривиален: дядя попросту не предполагал заниматься расчетами каждого атома в своей виртуальной Вселенной. Модель «последовательного уточнения» позволила ему в корне сменить парадигму, разделив виртуальный мир на некое подобие уровней, каждый из которых детализировал предыдущий. Судя по комментариям, дядя отталкивался от идеи масштаба: «наблюдая за макромиром, не обязательно знать, чем в этот момент занята каждая молекула планеты». С тех пор, открывая «Глазок» «Симуляции», я каждый раз представлял себе гигантский микроскоп, в тубус которого дядя наблюдает за Вселенной, приговаривая что-то вроде:

*- любое наблюдение, влияет на объект изучения, поэтому вы можете «сглазить» его или «вдохновить»;
- то, что вы наблюдаете издалека, отличается от того, что видно вблизи;
- квантовая вселенная не детерминирована, она царство случайностей и вероятностей;
- крупные объекты подвластны ньютоновской физике, мелкие – квантовой.*

В дядиной виртуальной Вселенной от взгляда зависит очень многое. Оказалось, что только во время «наблюдения» происходят случайности, а в остальное время, пока «Глазок» выключен, Вселенная достаточно предсказуема, и живет по законам механики и ньютоновской физики. При этом чем больше детализация наблюдения, тем выше вероятность получить отклонения. Поэтому дядину «Вселенную пристального внимания», я за глаза называю «Субъективной». Такое имя, мне кажется, ей больше подходит.

С тех пор, как я открыл Вселенную, прошло несколько лет. Я забросил свою основную работу, подрабатываю фрилансером и проживаю дядино наследство. Все свое свободное время я посвятил Вселенной. За это время я успел поменять все оборудование. Например, вместо старенького дискового массива Harrett-Palmer ADAM 8000, мне пришлось приобрести, смонтировать и запустить свежую, быструю систему хранения данных HP 4RAP. Это заняло много времени и труда, но было необходимо: Вселенная развивается, а значит, её циклы стремятся замедлиться.

Я не забываю трудиться также и над усовершенствованием программы. Не без гордости могу сказать, что мои обновления становятся ничуть не хуже, а может быть, и качественнее тех, что выпускал дядя. С некоторых пор во Вселенную смотрят несколько «Глазков», они наблюдают за наиболее интересными объектами.

Один из таких «Глазков» уже давно направлен на мелкий сгусток материи где-то на окраине виртуальной Вселенной. Микроскоп выкручен почти на самую высокую степень детализации: я слежу за тем, как формируется планета, надеюсь, что когда-нибудь тут появится жизнь. И если это произойдет, все «Глазки» можно смело закрыть, ведь посторонний взгляд будет уже не нужен. Достаточно того, что во Вселенной появится что-то, неподдающееся механическим законам. И пусть оно само смотрит, чувствует и меняет мир вокруг себя.

III. Входные данные

– Кто там? – мрачный Илюха спросил в домофон.

– Это Инга, – из трубки донесся ангельский голос, услышав который, Илюха немедленно растерялся и проямлил:

– А-а-э-м-машки нет дома... Тьфу, то есть, М-маришки.

– Чего-чего? – удивилась трубка. – Это Инга, я к Марине пришла!

В очередной раз столкнувшись с этой длинноногой блондинкой, Илюха начал путаться в словах, стесняться и краснеть. Чувствовал он при этом себя невероятно глупо, ведь разговаривая по домофону, Илюха не мог даже увидеть девушку во всей её красоте. Зато он хорошо помнил её лицо, фигуру и вообще...

– Сестры нет дома, – собирая волю в кулак исправился Илюха, – она ушла в парикмахерскую.

– Я знаю. Но она скоро вернется, – проворковала Инга, – и просила меня подождать у вас дома. А потом мы с ней пойдем в "Галлерею"!

– Ладно, заходи... – сдался Илюха и нехотя нажал кнопку домофона.

Что с Ингой делать дальше, он не знал. В самом деле, не показывать же ей свою комнату, где над кроватью висят черно-белые портреты Кена Томпсона и Денниса Ритчи, а на противоположной стене красуются цветные фотографии Зены – королевы воинов и Эльвиры – повелительницы тьмы? Впрочем, свои почти свежие носки Илюха решил, на всякий случай, убрать со стола под кровать.

«Со стороны Маринки, вот так просто взять и сбежать в салон – не слишком красивый поступок. Но оставить вместо себя младшего брата-ботаника – просто высший пилотаж! Видимо, это её маленькая месть за то, прошлое недоразумение в кинотеатре... – думала Инга, поднимаясь в заплыванном лифте. – И все же, это немножко уж слишком чересчур! Илья, ведь, совсем еще ребенок, хоть и учится в одиннадцатом классе... Чего доброго, начнет демонстрировать мне свою комнату и любимые игрушки!»

Переминаясь с ноги на ногу всклокоченный очкарик Илюха ждал в дверях.

«Вылитый ботаник», подумала Инга, выходя из лифта.

– Привет, – сказала она и одарила парня одной из самых своих обворожительных улыбок.

– Привет, – ответил тот, стараясь никуда не смотреть, – проходи...

Обдав Илюху ароматом духов, Инга процокала в полутемную прихожую и остановилась:

– Я не хотела мешать... Я только Маринку подожду... – начала оправдываться гостья, – это всё она так придумала...

– Ничего страшного, – буркнул Илюха. – Э-э-э...

«Предложить ей тапочки или нет? А вдруг обидится, что я заставляю её снять туфли? Или подумает, что я пялюсь ей на ноги? – судорожно соображал в это время Илюха.

– Я – босиком. Ладно? – Инга скинула босоножки. – Не люблю в тапках.

– Э-э-э, ладно. Как хочешь... – Илюха закончил экать и поймал себя на том, что разглядывает её ноги.

Повисла пауза, во время которой Илюха почувствовал, что снова краснеет. Тогда, испугавшись неловкости момента, он из последних сил сосредоточился и, неожиданно для себя выдал:

– Пойдем сюда. Вот это моя комната...

«И зачем я сюда поперлась? Могла бы и внизу спокойно подождать. Погода хорошая и воздух свежий и вообще... – сокрушалась Инга на пути в комнату Илюхи. – Нет, чтобы на кухню хотя бы пригласил... Так. Компьютеры, книги, компьютеры, снова компьютеры, какая-то электроника, еще книги... Маришка говорила, что он типа хакер какой-то... Боже! А это еще что такое?! На одной стене он не постеснялся и вывесил фотки каких-то двух перезревших мыр, а с другой стороны на них похабно пялятся бородачи совершенно ботанического вида... Ну, ладно, этот – допустим Достоевский, а второй... ну, не знаю, Эйнштейн что-ли... Точно, он самый – Энштейн: бородища-то вон, как растрепана».

– Это Кен Томпсон и Деннис Ритчи, – пояснил Илюха, перехватив взгляд Инги. – Они авторы знаменитой операционной системы UNIX.

– А-а, ясно, – сказала Инга, хотя, что такое UNIX ей было совершенно не понятно. – У тебя тут столько компьютеров... Ты – хакер?

– Ну, не то что бы совсем... – ответил Илюха скромно улыбаясь, – хотя бывало, конечно, раньше иногда... Но, сейчас я занимаюсь совсем другим делом. Проект «Вселенная» называется... Удивительная штука! Если хочешь, могу рассказать...

– Расскажи...

«Ну и зачем? Зачем я её сюда притащил? И как её теперь увести? Эх, надо было сразу на кухню. Чай предложить... Хорошо, хоть носки из-под кровати почти не торчат, – Илюха ощутил новую волну паники. – И зачем я только вспомнил про «Вселенную»? Идиот!»

– Будешь чай? – нашелся он. – С печеньками?

– Буду! – обрадовалась Инга.

– Тогда я на кухню и чайник поставлю. Или лучше вместе пойдем?

Пошли на кухню. Илюха начал суетиться: расставлять чашки, кипятить чайник. Достал вазочку с окаменелыми печеньями, спрятал её обратно. Поражаясь собственной хозяйственностью, нашел зефир в шоколаде и конфеты с цитроновой начинкой. Всполошился и достал ложечки, сахар, налил кипятка. Все это время он с воодушевлением рассказывал Инге о UNIX, проекте «Вселенная» и его гениальных авторах.

«И тут его прорвало! Натурально, он даже чай забывал прихлебывать от восторга. Битый час уже долдонит мне про свой этот дурацкий "юникз", да всякие прочие компьютерные программы... Вон, глаза как блестят, волнуется. Будто разрыдаться уже готов от счастья. Вселенная то, вселенная сё – ботаники рехнувшиеся... Врач этот зубной со своим подвалом, явно нездоровый... Племянник ещё какой-то... – Инга с безнадежностью заключенной, нащупала взглядом часы на засаленных обоях кухни. – Половина четвертого... а Маринка обещалась вернуться к трем. Ну, и влипла же я, дура...»

– ... и они, совместно, с MIT сделали этот проект открытым. Теперь любой желающий может стать разработчиком и войти в команду. Сейчас над "Вселенной" трудятся сотни энтузиастов! А сначала-то, представляешь, ему никто не верил, сумасшедшим называл! – бубнил Илюха. – Вот и я теперь там тоже принимаю участие.

– Потрясающе, – сказала Инга.

– Ага! И знаешь что?! – Илюха округлил безумные глаза. – Мне удалось решить одну из главных проблем "Вселенной"!

"Он точно псих! – обреченно подумала Инга. – А Маринка – коза драная! Никогда ей этого не прощу!"

– Ничего себе, – сказала она вслух.

– Да, уж! – Илюха победоносно погрозил пальцем. – Можно сказать, я обманул законы мироздания! Сейчас я тебе все расскажу!

Инга только кивнула. Не бежать же из этого дома отбросив стул и надевая туфли? Или все же бежать? А Илюха, между тем, шумно отхлебнул горячий чай и продолжил лекцию:

– Пожалуй, одним из самых основных законов этой модели Вселенной является принцип невмешательства. Никто не может непосредственным образом повлиять на события или изменить объекты внутри "Вселенной". Единжды созданная, "Вселенная" развивается по своим законам и единственное воздействие, которое может совершаться извне – взгляд наблюдателя! Более того, всё устроено так, что при любом вмешательстве со стороны, «Вселенная» развалится как карточный домик. Она просто перестанет существовать! – Илюха вперил пристальный взгляд прямо в глаза Инги, а потом продолжил. – На это все и завязано! Обрати внимание: возможно только пассивное наблюдение, а не активное действие! Но я смог преодолеть это ограничение...

Мы большую часть этого монолога смело пропустим мимо ушей: она изобилует скучными техническими подробностями, научными терминами и плохо замаскированным хвастовством. А вот Инге пришлось, все это вытерпеть. Её чай давно остыл, а конфеты оказались невкусными. Изнывая от скуки и стараясь не уснуть, она от безысходности ковыряла лакированным ноготком шоколадный панцирь зефирки и строила планы коварной мести.

Илюха же продолжал самозабвенно рассказывать, как ему одному во всем целом мире пришла в голову мысль сделать фильтр на случайные события «Вселенной» и просто отвергать те из них, что не приводят к желаемому результату. Проведя несколько утомительных недель за компьютером, Илюха написал «элементарный», как он любил выражаться модуль, позволяющий задать и, в конечном итоге, дожидаться формирования необходимой конфигурации вещества в указанной точке пространства-времени этой модели вселенной.

«Это даже хуже, чем на лекциях по «Логике», – от воспоминаний о предикатных символах арности, которые она изучала на первом курсе института, Ингу всю передернуло, от чего она звонко стукнула ложечкой о край чашки.

– Ты чего? – прервался Илюха.

– Случайно...

– А-а-а... Ну, тогда слушай, я еще не рассказал тебе самое главное!

Однако из прихожей донесся спасительный звук открываемого замка: наконец-то вернулась Маринка. Обрадовавшись, Инга моментально простила злую выходку своей подруги. На ходу прощаясь с болтливым школьником, она выпорхнула из-за стола и устремилась к выходу.

Илюха последовал за ней, торопливо досказывая свою историю:

– Представляешь, – говорил он, – это же как «Матрица», помнишь фильм такой? А я теперь там как Нео – могу все, что угодно! И даже больше, я там как самый настоящий Бог!

Илюха от восторга глупо захихикал, а Инга попыталась вспомнить фильм. Что-то фантастическое про злых «агентов», стрельбу и драки в замедленной съемке.

– И что, они нас всех туда подключат? – спросила она в дверях.

– Куда? – не понял Илюха.

– Ну, в «Матрицу», роботы всех подключают...

– Ты идешь? – прервала их диалог Маринка. – Или хочешь здесь остаться?

– Бегу! – ответила Инга и скрылась за дверью.

Илюха услышал приглушенное «пока» и гулкий цокот двух пар босоножек по щербатому кафелю лестничной площадки.

– Нет, что ты! Никаких роботов! Это же совсем разные вещи! – крикнул Илюха в закрытую дверь. – Эх! Так и не успел рассказать ей все до конца. Ладно, в следующий раз, наверное.

Илюха вернулся в свою комнату и, стараясь не сильно расстраиваться из-за ухода Инги, включил терминал, где уже несколько недель подряд он тестировал свой новый программный модуль. И, вот, что интересно, Илюха действительно добился того, что из хаоса случайных событий, он смог вычленять только те, что требуются ему одному. Имея такой мощный инструмент, он, теоретически, мог создать в виртуальной вселенной все, что угодно.

Повинуясь внезапному порыву, он внес в код программы несколько небольших изменений. Теперь при каждом запуске модуля, он будет делать не только ту работу, которую от него требует запускающий программу, но и кое-что еще: безопасное и, на первый взгляд, незаметное. И пусть это будет маленьким подарком для его любимой девушки.

Эта забавная история имела неожиданное продолжение. Примерно через полтора миллиарда лет, после указанных событий, на одной из безымянных планет у края вселенной в среде разумных аборигенов развился культ Имени Бога. Теологи одного из многочисленных племен стали утверждать, что видят, знают и могут воспроизвести непереводаемое Истинное Имя Бога. Ибо оно немедленно воплощается во всем, от камней, до деревьев и звезд, куда Он обращает свой пристальный взгляд *et nunc, et semper, et in saecula saeculorum*. И Имя Его есть «Я люблю тебя, Инга!»

IV. И полученный результат

1. Можно пропустить, но будет непонятно

"В Женеве, поздней осенью 2023 года на базе крупнейшего в мире ускорителя элементарных частиц, специально разработанного сканирующего устройства и атомного трехмерного принтера группой молодых ученых под руководством А. Н. Голдинга был сконструирован первый репликатор материи, известный нам под названием МРГ – Молекулярный Репликатор Голдинга.

Испытание устройства было проведено 18 октября 2023 года. В ходе эксперимента, длившегося непрерывно 16 часов подряд, ученым-ядерщикам удалось с точностью до нескольких десятков молекул воспроизвести или, другими словами, "скопировать" образец, представлявший собой один кубический микрометр золота. В последующие годы опыт Голдинга был успешно подтвержден на тестах в США и Японии.

Сейчас, спустя 10 лет с момента первого запуска МРГ, в Евросоюзе, США и Японии эксплуатируются уже три многократно улучшенные установки, функционирующие на более низком уровне – атомные и субатомные репликаторы материи (А/СРМ). Современное оборудование выполняет копирование гораздо точнее и намного быстрее. Так, например, для повторения результатов Голдинга в настоящее время потребуется всего лишь несколько минут.

С технической точки зрения репликаторы материи состоят из пяти основных блоков:

- ядерный реактор – источник энергии, атомный генератор;
- коллайдер – ускоритель, генератор элементарных частиц;
- электромагнитная ловушка – накопитель материи;
- суб/атомные сканер и принтер – репликационный модуль;
- Центр управления репликацией (ЦУР) – административный пульт и вычислительный комплекс".

Здесь статья разрывалась фотографиями нескольких высокотехнологичных устройств, размеры которых были таковы, что команда ученых на их фоне выглядела бородатыми гномиками из сказки про Белоснежку. По циклопическому красно-синему трубопроводу узнавался ускоритель частиц, а нечто похожее на пятиэтажный холодильник являлось, по-видимому, главным репликационным модулем.

Дальше текст продолжался снова.

"Благодаря устройству Голдинга человечество получило возможность создавать копии практически любых предметов с точностью до молекул и атомов. Поэтому на науку и технику МРГ уже оказал огромное влияние, но в полной мере значение этого изобретения человечеству ещё только предстоит оценить в будущем. Однако уже сейчас можно смело утверждать, что научный прорыв команды Голдинга не уступает по своему масштабу изобретению электронной вычислительной машины.

За работу над МРГ в 2026 году Голдинг был выдвинут на Нобелевскую премию по физике".

Ниже следовала красочная интерактивная схема функционирования репликатора, а несколько не вполне уместных формул с первого курса физмата пугали неподготовленного читателя обилием интегральных закорючек.

Оканчивалась невразумительная статья из Открытой энциклопедии внушительным списком труднопонимаемой научной литературы. Ещё ниже ядовитыми красками мигал анимационный баннер: "Заготовка! Неполные, непроверенные данные. Требуется уточнение". Объявление, безусловно подчеркивало тот факт, что несмотря на некогда колоссальную популярность темы, об МРГ в мире знали мало, да и не слишком уверенно.

Сторонники конспирологической теории делают таинственные лица и объясняют этот парадокс причинами государственной безопасности, по которым спецслужбы стран большой тройки полностью засекретили всю информацию об исследованиях Голдинга.

Однако они, конечно, заблуждаются. Здравомыслящему человеку трудно представить, что молекулярные репликаторы могут использоваться для подпольного производства радиоактивных, отравляющих и наркотических веществ, оружия или контрафактной продукции.

В самом деле, в нынешнем 2033-ем году, плутоний всё также трудно достать, как это было и в далеком 1955-ом. Не говоря уже о том, что затраты на постройку репликационного модуля и ускорителя частиц достаточной мощности, может позволить себе только экономически-сильное государство. К тому же стоимость использования МРГ для производства наркотиков или радиоактивных элементов в сотни тысяч раз превышает цену получения этих веществ традиционными способами. Ну, и самое главное: на планете живет лишь около десятка людей, которые сами в состоянии не только разобраться в устройстве МРГ, но и понятным языком донести необходимые знания до простых смертных.

В связи с этим научные старожилы вспоминают ситуацию вокруг, так называемого, Бозона Хиггса в 2012–2013 годах. Информация об эксперименте по его обнаружению попала в средства массовой информации, а броский эпитет "божественная частица" привлек внимание широкой публики. В итоге множество людей по всему миру принялось активно следить и обсуждать развитие событий на научном фронте. Правда, после успешного завершения опыта ажиотаж вокруг элементарной частицы практически полностью сошел на нет: зеваки испытали сильнейшее разочарование от того, что они так ничего и не поняли, даже несмотря на несколько безуспешных попыток объяснений со стороны научного сообщества.

Ровно та же история приключилась и с устройством Голдинга. Как только люди уяснили, что соответствующая физическая теория никому непонятна, а в обозримом будущем персональных репликаторов в супермаркетах не предвидится, то страсти вокруг МРГ утихли, и про перспективную технологию практически полностью забыли.

К счастью, надо сказать, так поступили не все. В тишине лабораторий и в подземном комплексе адронного коллайдера дело Голдинга успешно развивалось, более того, оно получило неожиданное продолжение и даже нашло потребителей своих разработок.

Проект Григория Брунберга, всемирно известный под названием "Вселенная", выбравшись из подвала своего нелюдимого изобретателя, сначала не без труда попал в университетскую среду, а потом быстро захватил не только умы ученых, но и покорило воображение многих пользователей сети Интернет. Путешествия по виртуальным мирам, исследование отдалённых планет, поиск артефактов и инопланетных форм жизни стали любимыми занятиями для многих людей.

Однако пика своей популярности "Вселенная" достигла после публикации знаменитого патча Ильи Бойко. Этот программный модуль открыл механизм воздействия на виртуальный мир. С этого момента особым вниманием стали пользоваться костюмы виртуальной реальности, а платные аккаунты, позволявшие вмешиваться в происходящие во "Вселенной" события, превратили игру в весьма прибыльный бизнес. Виртуальный мир

сделал доступным почти весь спектр развлечений, запрещенных в реальной, повседневной человеческой жизни. Вскоре "Вселенная" превратилась в одну из самых увлекательных забав человечества.

25 ноября 2030 года произошло следующее важное событие. Четырнадцатилетнему Диего Луиджи Санчесу пришла в голову гениальная мысль подсоединить репликатор материи к виртуальному миру "Вселенной". И вскоре его идея была реализована но, к сожалению, имя подростка ничего не скажет потомкам.

А всё было так. Просидев в засаде 12 часов подряд, Диего одним молниеносным нападением перебил всех глабов у звездной системы Маккалахен-8 и захватил танкер с огромным грузом тангонского мёда. А ведь на форумах врали, что глабы не признают мёд! Но судя по размерам транспортника, в нем было заключено состояние целого клана. Сами знаете, сколько стоит подобный товар на черном рынке Большого и Малого Полукружия! Совершив удачную сделку, ещё через 4 часа Диего стал одним из самых состоятельных подростков сектора #507 в галактике NC-48 "Куриная ножка".

Отключившись, наконец, от "Вселенной", уставший пират сразу же подумал две, нет, три мысли, последней из которых предназначено было оказаться гениальной. Первая в отцензурированной версии звучит так: "Жаль, что в мой задрипанный вирт-костюм не встроена функция абсорбции естественных выделений". Вторая: "Надо развести родаков на более современный вирт-костюм. Хотя, нет, все равно не купят". И третья, которая гениальная: "Подключить бы к компу такую штуку, которая может слить весь награбленный мёд в мамкин бассейн. Ну, или куда-нибудь ещё... Тогда бы я и сам себе всё купил!"

Поскольку юный Диего свою знаменитую мысль вслух никому так и не высказал, первенство идеи приписывается Георгу Лотту (для важности читается и пишется с двумя "т" на конце) – немецкому программисту, ведущему разработчику проекта "Вселенная". Он-то и сделался основной движущей силой объединения МРГ Голдинга с виртуальной вселенной. Ведь, по большому счету, что может быть замечательнее, чем работа по транспортировке удивительных находок из вымышленного мира, в реальный?!

Лотт спешно переквалифицировался из IT-шников в успешные менеджеры и, получив гранты от МАГАТЭ и ЦЕРНа, организовал небольшую контору под названием "Юнайтед Репликэйшн Лэбораториз", сокращенно ЮРЛ, где быстро зарыл в землю свой талант вместе со всеми математическими способностями.

2. Вторая смена

Первая смена давно закончилась, а вторая всё никак не могла начаться из-за того, что Маковски снова задерживал очередь. На этот раз он запустил репликацию всего за пару минут до звонка и теперь не желал прерывать дорогостоящий процесс.

— Энди, – убеждала Мишель Берк переговорное устройство. – Сколько вас можно ждать?

— Ничего не могу сделать! – послышался из динамика надменный голос. - Терпите! У меня копирование!

Мишель была замечательным геологом, отличным минералогом и даже, в некоторой степени, неплохим археологом, но социальная инженерия и психология человеческих индивидуумов были не её коньком. Она чувствовала свою слабость в этих вопросах и потому решила добиться от интеркома только самого важного:

— Ну, хорошо, пусть, — обреченно согласилась она, — но дверь-то хоть откройте! Вы же знаете, это категорически запрещено. Ка-те-го-ри-чес-ки! — повторила она по слогам, чтобы подчеркнуть важность своих слов.

Ответом на её неуверенный выпад было гробовое молчание.

— Я ему покажу копирование... — шикнула сквозь зубы стоявшая рядом Вита Хмель. Она немного подумала, а потом пнула ногой бронированную дверь шлюза.

Вита была ксенобиологом, но у неё чесались руки поговорить с Маковски как человек с человеком, а проклятая дверь ей препятствовала, поскольку была заперта изнутри. Наверное, Маковски это сделал специально, чтобы на всякий случай и от греха подальше... Предусмотрительный негодяй! Поэтому Вита снова пнула дверь, но, как и в прошлый раз, агрессия девушки не возымела никакого результата. Дверь оказалась настолько прочна и непроницаема, что даже не соизволила издать приглушенные "бух", "бам" или "бах".

Случилось так, что внутренности подземного комплекса, надежно защищали своих обитателей не только от постоянной радиации. Они, откровенно говоря, были спроектированы с расчетом на непосредственное воздействие ядерного взрыва.

Поймите правильно, конструкторы рассчитывали, что взрыва вообще никогда не произойдет, а надеялись они на многосантиметровую броню специализированного сплава, которая теоретически должна всех спасти, если расчеты всё же не оправдаются. Шутка сказать, за соседней стенкой, а это всего в нескольких километрах, фонил атомный реактор и светились кольца большого адронного коллайдера, да и накопитель с репликационной камерой во время работы излучали будь здоров! А уж если всё это научное хозяйство рванет, не известно, во сколько военных мегатонн выльются эти мирные гигаватты и тераджоули!

— Коллеги, прошу нас извинить. Пожалуйста, — переговорное устройство неожиданно пошло на мировую. — Он сейчас заканчивает. И мы выходим.

Судя по забавному акценту, это был напарник Энди Маковски профессор химии Такуми Танако из знаменитого Токийского университета.

Утверждение, что Такуми Танако не любил Энди Маковски, было бы бесстыдной ложью. Он его методично ненавидел всеми фибрами своей педантичной души. Вначале казалось, что эти двое должны найти общий язык на почве любви к аккуратности в одежде и порядку на рабочем столе, но нет, есть вещи иного порядка. Невысокий химик Танако терпеть не мог аналитика Маковски за его рост (чуть выше среднего), за широкую ухмылку человека, уверенного в своей правоте и непогрешимости, за безапелляционность суждений, за презрение ко всем остальным и, в особенности, к самому Такуми Танако лично.

Гулко щелкнул механический замок, а индикатор над входом удивленно пискнул и радостно позеленел, после чего полутонные створки двери с легкостью вжикнули в стены, и на пороге появились оба запоздавших члена смены номер один.

Возможно, они опять повздорили, возможно — нет, но обычно уравновешенный Такуми Танако выглядел унылым, как цапля зимой и мрачным, как гора Осорэ в ясную погоду. Энди Маковски, напротив, был весел и энергичен. Он бодро вещал по ультратону.

— Босс... — отвлекшись от оживленной беседы, шепнул он в сторону.

Пока Вита Хмель сжимала от бессилия кулаки, Маковски проследовал к противоположному концу коридора и беспрепятственно исчез за дверью. Потом он снова выглянул из-за неё и обратился к Мишель Берк:

— Э... э... — наморщил он лоб. Судя по всему, он честно старался вспомнить, как зовут девушку. — В общем, я вам подарочек приготовил, там в хранилище... По вашей специальности.

И окончательно скрылся из глаз.

— Гм... кхм... Мистер Маковски имеет ввиду свою последнюю находку, — сказал Такуми Танако, — из-за которой он задержал смену. Извините.

— Ничего страшного, Танако. Вы-то как раз ни в чем не виноваты, — ответила Мишель расстроенному японцу. — А что за находка?

— Какая-то соль, возможно. Крупные желтоватые кристаллы, — Такуми показал Мишель пальцами размер около дюйма. — Господин Маковски снова разыскивал следы инопланетян и вначале принял их за живые организмы, а когда понял ошибку — решил передать вам. — Такуми пожал плечами. — Впрочем, если хотите, я все равно сделаю химический анализ.

— Спасибо, Танако, вам не нужно заниматься этой ерундой... — Мишель Берк пожала плечами. — Я сама посмотрю их позже, наверное.

Японец церемонно поклонился, что означало окончание беседы, и Мишель была вынуждена ответить ему симметрично. Явно необязательный ритуал одновременного раскланивания девушка из-за врожденной вежливости соблюдала неукоснительно, хотя и чувствовала себя при этом довольно глупо. Тем не менее, благополучно расставшись с Танако, Мишель поспешила в зал центра управления репликацией.

Что можно сказать о poste управления ЦУР? Он был большим. По стенам впереди и с боков мерцал огромный и весьма информативный полукруг голографического интерфейса. В середине имелся малый овал из рабочих мест, управляющих консолей и неудобных эргономических кресел. На одном из таких сидений, возложив длиннющие ноги на пульт аварийного управления репликатором, устроилась Вита Хмель.

— Я одного не могу понять, — сказала она, когда Мишель появилась в пределах видимости, — что Маковский будет делать, если он всё же обнаружит жизнь?

— Ха, не волнуйся! Маковский сам никогда ничего не обнаружит, — Мишель махнула рукой и плюхнулась на соседнее кресло. — В смысле, жизнь-то невозможно не найти. Это событие предопределено хотя бы тем, что скорость обработки циклов "Вселенной" замедляется все сильнее, а значит, жизнь существует, и её полно. Но с таким подходом, как метод Маковски, все его поиски безнадежны, — Мишель с явным удовольствием смаковала излюбленную тему. — Ты видела, как он работает? Наугад выбирает произвольную точку во "Вселенной" и просто гуляет там всю смену, глядя себе под ноги... Не понимаю, как его ещё не выгнали с площадки.

— И всё же. Допустим, если ему повезет... — округлила глаза Вита. — Как он собирается проташить органику через эту адову "печку"?

— А может, он просто не знает, что в репликационной камере смертельная радиация?

Вита хохотнула, представив лицо Энди Маковски, в тот момент, когда он обнаружит эту "несущественную" деталь репликационного процесса.

— Да, ладно, – сказала она, – не верю. Он не может этого не знать!

В этот момент прозвучал мелодичный сигнал, означающий, что все системы СРМ готовы к работе.

— Поехали? – Спросила Вита и убрала ноги с пульта аварийного управления репликатором.

— Поехали, – ответила Мишель и нажала Большую Красную Кнопку, которая запускала неторопливый процесс активации накопительной камеры репликатора.

От этого невинного действия плаксиво взвыла и замолкла сирена, после чего все наиболее важные бронированные двери герметично захлопнулись, а в помещении управления реактором, на большом дисплее интегрального мониторинга пополз вверх настырный цветной столбик. Когда он достиг красной зоны, рядом с ним зажглась яркая сигнальная лампочка, свидетельствующая о повышенном расходе энергии. Тут же пискнул зуммер, от которого Эппл Грин, начальник дежурной группы энергетиков, вздрогнул и неприятно посмотрел на часы.

— Вторая смена опаздывает, – процедил он в ультракон, – ребята, всем быть начеку.

Но ни Мишель Берк, ни Вита Хмель ничего об учиненном переполохе не знали. Более того, они могли поклясться, что даже имени начальника энергетиков ни разу не слышали. Ещё бы, такое сочетание трудно не запомнить!

Пока СРМ разогревался, Вита ловко орудовала руками перед голографическим интерфейсом и вводила в систему координаты их первой цели в пространстве виртуальной вселенной, калибровала атомный зонд, сравнивала исторический срез с актуальным, вычленяла опытный образец и анализировала его цифровую структуру. Мишель в это время тоже не бездельничала, а занималась примерно тем же, что и Вита, но только уже для следующего образца.

Строго говоря, деятельность любой смены центра управления сосредотачивалась исключительно на поддержании работы одного большого конвейера по обнаружению образцов и воспроизведению их цифровых матриц на репликаторе. На другие дела сотрудникам просто не хватало времени. Столь напряженный график объясняется дороговизной эксплуатации такого оборудования, а также тем, что момент запуска установки очень энергоемок. Поэтому СРМ по-настоящему никогда не выключался, а лишь засыпал, переводя реактор и накопительную камеру в режим пониженной активности.

Всего смен было три, по восемь изнурительных часов каждая. За это время ученые выматывались полностью, исключение составлял один лишь Энди Маковски, превративший работу в увеселительную прогулку по миру виртуальной вселенной. Поэтому, пока остальные добывали ценные материалы для дальнейшего изучения, Маковски на глаз оценивал важность своих находок и набивал хранилище артефактов всевозможным хламом, среди которого была и та соль, которую он откопал сегодня.

— Первый пошел, – проронила Вита.

— Подтверждаю, – откликнулась напарница, увидев, что из репликационной камеры начали поступать данные.

Несмотря на то, что репликатор находился аж в шестнадцати километрах, да и все помещения ЦУРа были надежно защищены, Мишель не могла отделаться от гадкого чувства, что сквозь её тело проходят невидимые смертоносные лучи радиации. Девушка

ощутила, как холодком по коже метнулась стайка пугливых мурашек. Чертово воображение!

Через несколько минут процесс успешно завершился, и герметичная капсула с артефактом попала на ленту конвейера для транспортировки в хранилище.

— Покинул "печку", – констатировала Вита, - прошел дезактивацию, направляется на склад.

— Мой на подходе, – деловито предупредила Мишель.

Этот диалог хоть и выглядит очень солидно, но является полнейшим анахронизмом: весь процесс давно автоматизирован и находится под контролем компьютерных систем. С другой стороны, даже простой разговор очень помогает, если вы по восемь часов подряд ежедневно занимаетесь напряженным, монотонным трудом.

3. Теплые, дружеские отношения – залог приятной атмосферы внутри коллектива

– Терри, дружище, – со знанием дела сказал офицер Николас Никерс, – не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы управлять всеми этими штучками и прочими дрючками... – Тут он сделал неопределенный жест рукой, а потом добавил, – ну, ты же понимаешь...

– Хм-м-м, – рассеяно отозвался Макнили, который в это время устанавливал новые видеорегистраторы системы безопасности. – Э-э-э...

По опыту Теренс уже знал: междометий вполне достаточно для того, чтобы охранник продолжал вещать, а не лез помогать советами и делом.

– Я имею ввиду всех этих заумных бабенок, – уточнил офицер, – которые спуют здесь перед камерами, – Никерс ткнул здоровенным пальцем в голографический экран. – Они же обычные телки, ну, ты понимаешь, просто некоторые из них нацепили белые халатики.

Тут охранник замялся и сделал пару лишних глотков для храбрости.

– Слыш, дружище, – начал он с новыми силами, – у меня к тебе это... Ну, дельце что-ли есть. Советом, там, помочь... То, да, сё...

– Ну? – спросил Теренс, не отрываясь от консоли.

– Это насчет Хмель этой, Виты, – уточнил Никерс. – Ты видел грудастая такая, с ногами... Познакомишь?

Макнили опешил и некоторое время смотрел на охранника не моргая, а потом выдавил из себя:

– У меня плохие новости для тебя... Дружище.

– А что такое? – забеспокоился Никерс. – У неё кто-то есть?

– Хм, может и есть, но дело в другом. Ты видел, что она носит значок?

– Какой значок?

– Кулон на шее – символ ЛГБТ.

– Она что из этих? – поморщился Никерс, который обычно смотрел чуть ниже шеи.

– Кто знает. Может просто из солидарности, – пожал плечами Терренс. – Я не интересовался.

– Ну, и зря. Такая бабища пропадает.

– Я сейчас видео отключу, – сказал на это Теренс, – чтобы переинициализировалась новая "прошивка" камер.

– Видео отключать не положено, – сообщил расстроенный охранник.

– Я на минуту.

– Запрещено.

– Пить коньяк на работе тоже запрещено, – Теренс применил свое последнее оружие.

– Это кофе, – ничуть не смущаясь запаха парировал офицер Никерс. – Хочешь попробовать?

– Нет, мне на работе нельзя.

– Вот и видео отключать нельзя.

Осознав свою интеллектуальную победу над IT-шником, Никерс начал излучать фотоны счастья.

– Как скажешь, босс, – покорился Теренс, – но я тогда складом от тебя займусь. Ну, чтобы не ходить далеко.

– Валяй, – добродушно согласился Никерс и отхлебнул кофе.

В курсе этой дурацкой эпопеи с хранилищем были все, включая, охрану. Месяц назад на складе артефактов из-за катастрофического переполнения емкости, разгерметизировались несколько контейнеров (как раз из тех, куда Энди Маковски любил прятать свои неудачные находки). На прошлой неделе прохудившиеся шкафы успешно заменили новыми, но сразу же выяснилось, что в них имеется дефект микрокода, который, по иронии судьбы, не позволял автоматике запирать замки.

Маковски просто не повезло, но он во всем видел происки врагов и, потому был в бешенстве. Но еще больше он злился от того, что никто из ученых ЦУРа не только не уступил ему свободные контейнеры, но даже не согласился дежурить на складе, закрывая поломанные замки вручную. В результате Маковски оставалось либо очистить захламленные емкости, да выкинуть на помойку свои бесполезные находки, либо прекратить добавлять новые. Однако ни то, ни другое Маковски не подходило: вопреки всем правилам безопасности он продолжил пользоваться неисправимыми контейнерами.

Наблюдая за мучениями ненавистного коллеги, большинство сотрудников ЦУРа втихомолку злорадствовало и украдкой следило за развитием событий. И может быть поэтому, Теренс тоже всё это время находил бесконечные отговорки и не спешил чинить контейнеры.

– Упс, – сказал Макнили и перезапустил систему видеонаблюдения. – Я случайно.

Лицо Никерса вытянулось, а взгляд его остекленел. Теренсу вдруг показалось, что здоровенный кулак охранника прямо сейчас раздавит кофейную кружку.

– Я случайно, – повторно соврал компьютерщик. – Кнопку перепутал.

В это время на голографическом дисплее один за другим начали появляться изображения с камер безопасности.

– Ну, видишь, всё – нормально, – Теренс хлопнул охранника по плечу. – А ты, дурочка, боялась.

– Вот, я тебе щас дурочку... – брызгая слюной заорал Николас Никерс, но Теренс Макнили уже выскочил из кабинета и потому не слышал окончание фразы.

4. О пользе правильного питания

Была середина второй смены. Сдерживая одышку, Джордж Т. Штильберг, кладовщик или, говоря официальным языком, заведующий складом артефактов, медленным прогулочным шагом двигался в сторону своего рабочего места на самом нижнем уровне подземного комплекса. Он никуда не спешил и нёс всё свое тело с достоинством потомственного аристократа. А зачем, собственно, торопиться, если ты и так уже опоздал часов, эдак на девять с гаком?

Заглянув по пути в кафетерий, кладовщик обнаружил там Энди Маковски, который сидел за столиком в компании смущающейся практикантки и неизвестного молодого человека, одетого в чистую голубую рубашку, пиджак и брюки, не говоря даже о наличии галстука на положенном ему месте.

"Маковски клонировал себя с целью двойного совращения студентки, – подумал Штильберг и решил не обращать внимание".

Стараясь не смотреть на сладкую троицу, он подошел к стойке и попросил бутерброд, да кофе с собой. Ах, какие же вкусные бывают сэндвичи на багете с зернышками четырех злаков, с полосками бекона поверх обжаренных кусочков курицы, под двумя соусами и листьями салата, кругляшами огурчиков и солененьких оливок, да со свежим лучком!

Штильберг облизнулся и с благоговейным трепетом принял из рук продавщицы стаканчик с крышечкой и увесистый сверток чуть жирной бумаги. Что и говорить, кладовщик всегда любил работать вот так – в прикуску. Вероятнее всего, именно поэтому он и не страдал излишней худобой.

Вторая смена была в самом разгаре, но Штильберг никак не мог помешать процессу репликации, но и процесс, в свою очередь, никак не мог навредить Штильберг. Поэтому он смело вошел в бронированные двери хранилища.

Полумрак склада осветился и явил рассеянному взору кладовщика нескончаемые ряды шкафов автоматической камеры хранения. Закрытые на замок дверцы светились оранжевым цветом, свободные – зеленым, и только две отдаленные стойки контейнеров Маковски выделялись из общей массы тревожной красной индикацией. От них же шел тихий, но настойчивый зуммер, прилагавшийся в качестве бесплатного дополнения к цвету.

Успокаивающе журчала вентиляция. Время от времени, распахивались створки транспортера "А", который доставлял из репликационной камеры новые капсулы со свежими артефактами. Тогда оживал и дремлющий неподалёку робот-библиотекарь. Он проворно скользил по рельсам, деловито считывал штрих-код капсулы и, подхватив её своей трехпалой рукой, волок к нужному шкафу, где и опорожнял содержимое в требуемый контейнер. Пустую капсулу робот отправлял в транспортер "Б", который уносил её в неизвестном направлении. Выполнив свою нехитрую работу, довольный робот снова засыпал, и кто знает, что за сны ему снились?

Штильберг проследовал в тот угол, где располагался голографический терминал и плюхнулся на это чертово эргономичное кресло. Поёрзав, устраиваясь поудобнее, он начал разворачивать сэндвич. Когда всё было готово, он открыл крышечку со стаканчика кофе и размешал сахар. В общем, день начинался как всегда, разве что, на складе сегодня было как-то уж слишком душно.

В тот момент, когда Штильберг уже откусил, но ещё не успел прожигать первый кусочек сэндвича, неожиданно застрял библиотечный робот. Такое иногда случается: устройство бежит себе по рельсам, таскает гермо-капсулы, жужжит и работает, в общем, а потом бац, и застряло. То ли колесико с рельса соскочит, то ли капсула в слоте контейнера заест. Кладовщик в технике разбирался плохо, и потому лечил её путем тычково-пинательной терапии, либо вызывал специально-обученных людей из сервисной службы.

Еда едой, а проблему решать было надо. Шепотом выругавшись, Штильберг с сожалением в сердце, отложил сэндвич на промасленную бумагу, обтер лицо и руки салфеткой. Судя по монитору, робот застрял невдалеке от шкафов Маковски.

Пользуясь на редкость удобным случаем, кладовщик еще пару-другую раз помянул матушку злополучного аналитика, и почувствовав облегчение, отправился поглядеть, что на этот раз приключилось с несчастным роботом.

"Жара-то какая, – подумал Штильберг, отдуваясь на ходу. – Надо бы вызвать хозяйственников, пусть починят вентиляцию, наконец! Никто работать не хочет!"

Робот был абсолютно, совершенно точно не в порядке. Мигая аварийной индикацией, он жалобно пищал и безуспешно пытался сдвинуться с места, но что-то ему определенно мешало. Вокруг устройства клубился то ли пар, то ли дым. Штильбергу это не понравилось, но он всё равно подошел поближе.

– Компьютер, – потребовал он, – Отключить гриппер!

Подтверждая прием команды, ультракон в ухе кладовщика радостно дзынькнул, а робот перестал трепыхаться и обреченно затих. В ухе снова пискнуло, сообщая, что команда успешно выполнена.

– Окай. Не застрять бы... – буркнул Штильберг и начал пролезать между рядами шкафов и раскоряченным посередине роботом. – Вот, джемпер порвал... А кто возмещать будет?

Протиснувшись, наконец, на другую сторону, Штильберг обомлел, правда, не сразу. Сначала он посмотрел на дырку в свитере, потом на коварную лапу робота, и только после этого перевел взгляд на рельсы. Вот тут, он крайне удивился, поскольку с рельсами были проблемы. И не только с ними, а с частью пола, потолка и даже контейнерами печально известного Маковски.

Штильбергу показалось, что на отдельно взятом участке хранилища наступили заморозки и небольшое пространство между двумя рядами контейнеров оказалось покрыто мельчайшей, серебрищейся на свету изморосью. Холодно при этом не было совершенно,

скорее наоборот, очень даже жарко. Под блестящим снежным покровом виднелись искаженные рельсы робота-библиотекаря и вздутые, ржавые бока гермо-контейнеров Маковски. От ржавчины поднимался робкий белый туман.

– Ничего себе, – выдохнул Штильберг.

– Ничего себе! – повторил он снова, увидев, что его выдох кристаллизуется на лету и превращается в вихрь блестящих снежинок. – Это ещё что за хрены такая? Может быть, холодильная система полетела?

После этого глубокомысленного замечания Штильберг полез обратно. При этом его обуревали дурные предчувствия, ибо на складе никакой специальной холодильной установки, конечно же, не было. Кладовщик торопился и рвался вперед. Потел. Смазывая подозрительную жаростойкую изморозь на полу и мокрую ржавчину на ближайшем контейнере с артефактами, он скреб башмаками и усиленно работал плечом. Свитер трещал и расплзался на нитки, но тщетно: Джордж Т. Штильберг застрял.

За его спиной неумолимо разрасталась теплолюбивая зима, а изо рта вырывалось снежное дыхание. Незаметно борьба за свободу обернулась для Штильберга войной за выживание. Перед глазами кладовщика мельтешили разноцветных круги и ледяная пелена застилала зрение. Дыхания не хватало, адски хотелось пить. Щипало глаза.

– Компьютер, – прохрипел он, теряя сознание, – тревога!

Киберстор – интеллектуальная автоматизированная система хранилища, оторвалась от проверки температурных сенсоров и пришла в замешательство. С одной стороны, ну и что, собственно, такого произошло? Сломался робот-библиотекарь, после этого командой администратора склада был выключен гриппер. Датчики ничего критичного не показывали. С другой, поступил недвусмысленный приказ дать тревогу. Опять таки, непонятно какую: общую или локальную? Это радиоактивное заражение или угроза пожара? Ситуация осложнялась ещё и тем, что источник аварийного сигнала, прекратил отвечать на вызовы. Администратор склада артефактов Джордж Т. Штильберг молчал, игнорируя все запросы, даже те из них, что были с пометкой срочно.

Тогда складской компьютер принял единственно верное решение. Он обратился к Юнити – головной интеллектуальной системе всего центра управления репликацией и с радостью перевалил на неё свои проблемы. После чего, Киберстор со спокойной совестью вернулся к прерванной Штильбергом проверке датчиков помещения. Пробники деловито сообщили, что за прошедшее время влажность на складе упала еще на девять, зато температура повысилась на пять процентов. Решая задачу по оптимизации климатического режима, компьютер увеличил приток свежего, охлажденного воздуха и дополнительно усилил увлажнение, чтобы компенсировать разбегающиеся показатели.

Тем временем главный компьютер ЦУРа сначала перепроверил данные, поступившие со склада, а потом вызвал Штильберга. Когда тот снова не ответил, Юнити связался с постом охраны, доложив Николасу Никерсу о непонятной ситуации в хранилище.

На всё это ушли ничтожные четыре с половиной секунды, включая попытки установить связь с ультраконом кладовщика. Но тревога так и не была подана.

5. Просто кошмар какой-то

Никерс отреагировал незамедлительно. Он отставил кружку и, убрав с голографического дисплея порнуху, вывел на него изображения со всех камер хранилища. За исключением непонятной ряби (спасибо идиоту Макнили), ничего тревожного на них не наблюдалось.

Вот рабочее место кладовщика, как обычно пустое. Тут сломанный робот. А здесь хорошо видно застрявшего Штильберга с неживым, посиневшим лицом...

— @#\$%^&, – громко сказал охранник и кинулся в хранилище, на ходу вызывая штатного медика.

Когда Никерс ворвался на склад, там было жарко, как в тропиках, душно, как в пустыне и валил снег, как в тундре. Однако больше всего охранника поразило то, что во всем этом действе активную роль играл стаканчик капучино, забытый на столе кладовщика: невзрачный сосуд из перерабатываемого картона исторгал из своих недр фейерверк ледяного кофейного града.

Но надо было спешить. На бегу Никерс усиленно материл несчастного кладовщика, климатическую установку, системы вентиляции и кондиционирования, а также весь технический персонал, включая ближайших родственников. И хорошо, кстати, что Ларочка, молоденькая медсестра с невзрачной фамилией, но запоминающимися ногами, ещё не успела придти, а потому ничего не слышала.

Никерс защищал лицо рукавом, но почему-то горький снег набивался в рот, першило в горле, слезились глаза. Охраннику становилось дурно. Тяжело дыша, он отсчитывал ряды шкафов, которые, казалось, были бесконечными, но, наконец, он достиг нужного поворота.

Штильберг был укутан снегом. Он не дышал. Вытаскивая его из западни, Никерс не удержался и вместе с кладовщиком рухнул на заснеженный пол. Странное дело, несмотря на жару, снег и не думал таять. Подавляя кашель и тошноту, охранник снова выругался и, крикнув от натуги, попытался взвалить Штильберга себе на плечи. Тот не поддавался, но и Никерс был хорошо физически развит. В итоге, ухватившись как следует за руки, отставной вояка кое-как приподнял над землей массивное тело кладовщика.

В этот момент произошло страшное. С неживым пластмассовым звуком, а не сочным хрустом, как следовало того ожидать, руки Штильберга сначала сломались, а потом и полностью оторвались от туловища в области плеч. Пораженный Никерс наблюдал, как тело кладовщика плюхнулось на пол и, расколовшись от удара на несколько частей, начало осыпаться подобно песчаному замку.

В ужасе охранник выронил осиротевшие руки Штильберга и бросился из хранилища вон. Не чувствуя собственных конечностей, Никерс домчался до дверей хранилища и сшиб на бегу хрупкую медсестру Ларорчку-как-её-там-ногастенькую.

Девушка с пугливым интересом озиралась по сторонам и ловила на ладонку желтоватые снежинки. Белый халатик с большим красным плюсом на рукаве очень шел к её длинным ногам, но в данный момент Никерса это совсем не интересовало. Честно говоря, охранника уже вообще мало что волновало. Сбив Ларочку, он не помог ей подняться и даже не извинился, зато прохрипел что-то про руки, а потом упал сам да ещё и начал биться в конвульсиях. Сейчас он лежал на спине, слегка подрагивая всем телом, и шумно выдыхал из своих сильных легких снопы желтоватых снежинок. Их-то и ловила в растерянности Ларочка.

Не то чтобы она совсем не была знакома с медициной, но будучи протеже Маковски, специальность не являлась её главным достоинством. А вообще, вы как хотите, но Ларочка, не привыкла к тому, чтобы её приветствовали мощными ударами в область солнечного сплетения.

Однако нельзя быть уж слишком строгими: старательной медсестре необходимо отдать должное. Оклемавшись у противоположной стороны коридора, Ларочка вначале честно попыталась оказать первую медицинскую помощь своему неожиданному пациенту. Но как оказалось, сделать ничего полезного она уже не могла. Никерс был в коме, и состояние его ухудшалось на глазах. Было очевидно, что ему требовалась немедленная госпитализация. Медсестра вызвала носилки из медпункта ЦУРа и скорую помощь из городской больницы. Потом она, как положено, доложила начальству о Николасе Никерсе.

— А еще, мне кажется, — добавила она с сомнением в голосе, — что тут какая-то неполадка в кондиционере.

Теперь медсестре оставалось только ждать и ловить снежинки. Загадочные они были очень: таять в ладони не желали, зато с удовольствием облепляли всё металлическое, как, например, бронированные двери хранилища.

"И ничем их не соскребешь, — в раздражении думала Ларочка, пытаясь ноготком поддеть изморось, прочно приставшую к серебряному фамильному браслету с кулончиками, — работаешь тут, работаешь... Одни убытки... Энди, негодяй, клеится к студенточке этой новенькой".

С того момента, как Штильберг попытался поднять тревогу, прошло чуть более получаса, но про беднягу успели уже позабыть. Впрочем, Ларочка и не знала о нем ничего, ведь Никерс впопыхах забыл указать, зачем именно он её вызывал в хранилище. Конечно, у молодой девушки были насчет этого кое-какие предположения, но они уж точно не касались её служебных обязанностей медсестры.

В то время как Ларочка считала минуты до прибытия кареты скорой помощи, Георг Лотт — большой босс "Юнайтед Репликэйшн Лэбораториз" сидел в своем новеньком офисе на Манхэттене и внимательно слушал доклад о несчастном случае с охранником:

— Жаль, — сказал он, искусно претворяясь, будто знал Никерса лично, — хороший человек пострадал. Его уже забрали на лечение в госпиталь?

— Нет, скорая ещё в пути. — Сверилась с записями секретарша.

— Ладно. Позвоните родственникам. Поддержите их и предложите нашу помощь.

— Окей, — покорно отозвалась секретарша. — Записала, босс. Тут ещё один вопрос.

— Что?

— Сотрудники жалуются на духоту и жар в помещениях...

— Так вызовите им кондиционщика, кондиционерщика... Ну, вы поняли — специальную службу... Какого черта?! — взорвался он, обнаружив, наконец, удачный повод. — Почему этим вопросом должен заниматься лично я сам?!

— Говорят, там идет снег...

Обдумывая услышанное, Лотт замолчал и надолго уставился на голографическое изображение нервничающей под его взглядом секретарши. Потом Лотт понял, что его просто неудачно разыгрывают, и хотел было съязвить, но в этот момент из ЦУРа поступил тревожный сигнал.

Такое уже случилось недавно, когда разгерметизировались часть контейнеров наглого подлизы Маковски. Что ещё могло произойти в эту грешную вторую смену?

6. Когда неизвестно что делать, искать кто виноват не имеет смысла

Истошно завопила сирена и массивные створки ворот подземного бункера захлопнулись прямо перед носом у бригады скорой помощи. После этого все попытки связаться с репликационным центром, как своими силами, так и через офис городской больницы, оказались безуспешными. Что делалось внутри комплекса, медики не знали.

А творилось там чёрт знает что, и этот бардак сильно раздражал Георга Лотта, который попытался получить от Эндрю Маковски разумные объяснения, но вместо этого узнал лишь то, что: "а" – горе-аналитик застрял в кафетерии, "б" – ему жарко и "в" – из кондиционера идет жёлтый снег. После чего, связь с бункером неожиданно оборвалась и больше не восстанавливалась.

Однако, во время безрезультативного разговора с аналитиком, система безопасности успела передать на монитор отчет, отнюдь не радужного содержания. На складе артефактов произошла массовая разгерметизация контейнеров, из-за чего доступ в него был перекрыт автоматикой, а сам репликационный комплекс в ручную поставлен на карантин и полностью переведен в автономный режим.

Другой информации у Лотта не было, о чем он и сообщил пожилому представителю ЦЕРНа, который еще тридцать лет назад, в связи с пророчествами о конце света, привычно вздрагивал от любого упоминания Большого адронного коллайдера. В ответ представитель обреченно кивнул и объявил оранжевый уровень тревоги.

К территории комплекса немедленно начали стягиваться полиция и военные. Выставили оцепление, определили зону безопасности. У входа дежурили пожарные расчеты и машины скорой помощи. Началась спешная эвакуация населения.

ЦЕРН, МАГАТЭ и главы государств Евросоюза готовились принять решение об экстренной остановке ядерного реактора и БАК. Последствия, в этом случае, могли быть непредсказуемыми. Правительства Швейцарии и Франции уклончиво объявили, что они надеются на лучшее, но готовятся к самому худшему, а беспокойная армия журналистов тут же расшифровала это заявление, как подтверждение наступления апокалипсиса.

В мире назревала паника.

7. Выход Макнили

Снежная зараза распространилась по комплексу очень быстро, чему, в немалой степени, помогла интеллектуальная система вентиляции и кондиционирования, создавшая, по-видимому, оптимальные для этого условия. В результате, желтоватые кристаллы, ещё до введения карантина, успели укорениться в большинстве помещений комплекса. По этому поводу Теренс Макнили уже несколько раз мысленно поздравил, как неизвестных производителей кондиционеров, так и совершенно определенных разработчиков Юнити - Интеллектуальной информационной системы СРМ, управлявшей всей автоматикой комплекса.

Прошло несколько часов, и стало очевидно, что подземное сооружение гибнет. Автоматика отказывала, все входы были намертво заблокированы, переходы разрушены, коридоры завалены мусором. На голографическом экране Макнили наблюдал клубы водяного пара, бесконечный снег, груды трухлявой ржавчины и неестественные скелеты искореженных металлоконструкций. А вот, людей, в смысле живых, на тех камерах, что еще передавали изображение, Макнили не видел. Зато он отметил, что изморось скапливаясь на металлических поверхностях, образовывала многочисленные кристаллы, которые на глазах вырастали в гигантские остроугольные балки. Спустя некоторое время эти блоки трескались и рассыпались на миллиарды крошечных жёлтых снежинок, разносившихся потоками воздуха по всем помещениям ЦУРа. А ещё Макнили показалось, что этот процесс, с каждой минутой происходит всё быстрее и быстрее.

"Снег и сюда скоро доберется", – от таких мыслей Макнили передернуло.

Запертый в крошечной камерке сисадмина, он посчитал себя единственным человеком, выжившим в этой катастрофе. IT-шник с трудом подавлял панику и судорожно пытался придумать план спасения, но в стрессовой ситуации ничего путного не выходило.

"Очаг заражения, – в который раз начал он сначала, – находится, скорее всего, в хранилище артефактов, среди "совершенно безопасных и абсолютно не токсичных образцов". Интересно, как получилось, что из столь непопулярного места, ядовитая "болячка" так быстро разнеслась по всему комплексу?"

"Ладно. Соберись. Думай! – отгонял от себя бесполезные мысли Макнили, – Во-первых, у меня есть доступ на Юнити..."

"Имея в своем распоряжении всего лишь полуавтономный ультракон, талантливый хакер может перевернуть весь мир", такими словами начинается знаменитый "Компьюрикон" Стефа Новского. Этот увлекательный двухтомник подробно и с юмором рассказывает о победоносной борьбе анонима против государственной машины и систем безопасности нескольких крупных коммерческих банков. Правда, находясь уже в тюрьме, прославленный хакер закончил свою вторую книгу удивленным восклицанием: "Поразительно, на что способен пойти грамотный сисадмин в критической ситуации!"

Но к данным обстоятельствам, этот пример не подходит. Макнили был сисадмином вполне добротным и качественным, но даже обладание доступом к главному серверу не гарантирует успеха: необходимо также, чтобы и сервер мог управлять своим периферийными системами. К сожалению, из-за разрушительного действия ядовитых снежных кристаллов, Юнити оказался практически отрезан от большинства роботов, датчиков, пробников, анализаторов, вспомогательных вычислительных систем и линий резервной связи. Как решить эту проблему Макнили не знал.

Он морщил лоб, тер виски, прохаживался по комнате, барабанил пальцами по столу, беспокоился о нехватке воздуха, но ответ никак не приходил. IT-шник совсем было пал духом, но в этот момент, где-то вдалеке что-то мощно бахнуло. Комнатушка вздрогнула, моргнул свет, а по стенам зашуршало песком.

"Абсурд! Не может тут быть никакого песка", – подумал Макнили и бросился к монитору.

Остатки системы безопасности деловито рапортовали о гибели одной из резервных батарей питания третьего уровня защиты. Судя по состоянию датчиков, Макнили с грустью отметил, что в электрогенераторное помещение проник злополучный снег.

– Фигня, легко отделались! – философски заметил сисадмин. – Вот, если б рванул ядерный генератор, то я б точно не выжил... Или кольцо коллайдера... Или накопитель или репликационный блок...

Теренс Макнили замолчал, взгляд компьютерщика остановился, и лишь губы продолжили бесшумно шевелиться, не в силах поспеть за стремительным ходом его мыслей. Всякий, кто хорошо знал IT-шника, мог бы сейчас с уверенностью сказать, что его лысеющую голову посетила гениальная идея.

Макнили рванул к столу, на бегу подключая ультракон к голографическому терминалу.

– Компьютер, – хрипло сказал он, – проверить подключение ко "Вселенной".

– Подтверждаю, – невозмутимо отозвался Юнити, – доступ активен.

Затем, Макнили, дрожащими руками, перенес из памяти ультракона необходимые данные в программный интерфейс Вселенной.

– Компьютер, запустить модуль клонирования.

– Выполнено.

Макнили нервно хохотнул, а потом откинулся на спинку неудобного эргономичного кресла.

Путь к свободе и жизни был открыт.

Собственно, идея Макнили была на удивление проста. Если невозможно выбраться из заблокированного репликационного комплекса наружу, почему бы вместо этого не убежать из него внутрь во "Вселенную"? Идея бредовая, но ведь, если белые халаты репликаторщиков неделями добывают артефакты из виртуального пространства, то почему нельзя отправить туда свое собственное тело? Тем более, что благодаря улучшениям от Ильи Бойко, внутри "Вселенной" теоретически было возможным воссоздать любой объект реального мира. Ну, а новый модуль Макнили этому поспособствует.

Правда и тут были немалые проблемы. Первая, во "Вселенную" можно отправить лишь цифровую матрицу объекта. А это значило, что бренное физическое тело Макнили навсегда останется в разрушенном репликационном комплексе.

Вторая, чтобы получить эту грешную цифровую копию, необходимо было задействовать атомный сканер репликатора. Другими словами, от Макнили требовалось добровольно залезть в ту, самую ядерную "печку", через которую, по представлениям команды репликаторов, не могло пройти ничто живое.

И, наконец, третье. До самого репликатора, еще надо было как-то добраться, преодолев на своем пути ядовитый снег и разрушенные туннели комплекса.

Конечно, у IT-шника не было иллюзий относительно шансов на выживание:

"Безумие?! Да, но лучше попытаться выжить в виртуальном мире, – решил он, – чем гарантировано умереть прямо здесь от удушья, ядовитого снега или ядерного взрыва".

После этого он прикинул извилистый маршрут по разрушенным помещениям комплекса и, надев защитный костюм, храбро шагнул в снежный ад, таящийся непосредственно за дверью каморки сисадминов.

8. Будто фантастики в детстве не читала

Человеку свойственно заблуждаться. Люди ошибались, считая Землю центром Вселенной или когда думали, что homo sapiens - единственный разумный вид на планете. Ошибался и Макнили, вообразивший себя одиночкой, выжившим в снежной катастрофе.

Кроме дежурной группы энергетиков, по-прежнему следивших за состоянием ядерного реактора, катастрофу успешно пережили Мишель Берк, Вита Хмель, да и весь персонал обоих многокилометровых колец Большого адронного коллайдера.

Но если обе девушки из Центра управления репликацией примерно понимали, что случилось, то остальные учёные были совсем не в курсе происходящих событий. Однако несмотря на поднятую тревогу и завывание сирен, никто не сбежал, люди продолжали выполнять свою работу. И это был не героизм, а обыкновенный здравый смысл и понимание того, что столь опасные установки ни в коем случае нельзя оставлять без присмотра, иначе может быть только хуже.

Что касается полной изоляции комплекса от внешнего мира, то вторая смена ЦУРа знала об этом лучше других. Именно Мишель Берк сразу после того, как произошла массовая разгерметизация гермокапсул на складе артефактов, объявила карантин и собственноручно перевела объект в автономный режим.

Вскоре после этого жёлтый снег заполнил комплекс. Удалённое управление процессом репликацией прервалось, отключился даже аварийный пульт. Единственное, что оставалось рабочим – внутренние, локальные системы жизнеобеспечения и некоторые части системы безопасности. Последняя, впрочем, уже потихоньку сдавалась под напором ядовитой стихии.

Девушкам из второй смены делать было нечего, оставалось ждать и наблюдать за снегом. Вскоре стало очевидно, что вырвавшаяся на свободу токсичная субстанция быстро разъедала металлы, стремительно поглощала воздух и воду. Но самое главное, что это была не ординарная химическая реакция. Как заметила внимательная Вита Хмель, жёлтый снег не просто окислял металл, он его пожирал.

– То есть, как это "пожирает"? – переспросила Мишель Берк.

– Просто. Если бы он был бы живым организмом, то я бы охарактеризовала этот процесс, как "питание" металлом, сопровождающееся одновременным поглощением влаги и повышением температуры.

– Подожди, – сказала Мишель. – Не так быстро. Я раньше думала, что ты тоже считаешь, будто эта дрянь появилась из репликатора?

– Я совершенно уверена, что это та самая "жёлтая соль мистера Маковски", – ответила Вита подражая интонациям профессора Танако.

– Но как же она может оказаться живой?! Ты же знаешь, в репликаторе смертельная радиация, и ничто ЖИВОЕ не может пройти через "адову печку" и не умереть при этом!

– Для всех органических видов, – пожала плечами Вита Хмель, – с которыми мы сталкивались на Земле, это совершенно справедливое наблюдение. Но я не знаю, что можно утверждать в отношении находки Маковски.

Возникла пауза, во время которой Мишель Берк раздумывала над предположением собеседницы.

"Будто фантастики в детстве не читала, – пронеслось у неё в голове. – Но здесь всё без шуток, по-настоящему взаправду опасно".

– Действительно, – сказала она вслух. – Жизнь минералов, если она существует, должна строиться по совершенно иному принципу. Подумать только, засранец Маковски не только смог её найти, но и умудрился таки протащить в реальный мир.

– Раз так, – сказала Вита Хмель открывая дверцы шкафа со скафандрами радиохимзащиты, – тогда мне нужно спешить.

– Куда ты идешь?

– В репликационную камеру, – хмуро ответила Вита Хмель. – Если эта пакость вырвется наружу, случится глобальная катастрофа. Надо спасать мир!

– Я с тобой!

Не совсем осознавая, для чего конкретно нужно тащиться в репликационный отсек, Мишель Берк вскочила вслед за своей решительной напарницей. Уж очень сильно ей не хотелось остаться одной в этом пустом, обреченном на гибель помещении.

9. Плоды глобализации

Некоторое время назад специалисты отдела охраны труда Юнайтед Репликэйшн Лэбораториз посчитали, что у страны – наследницы ядерной сверхдержавы, и соответствующие защитные средства тоже должны быть одними из самых надежных и эффективных. Получив восторженные рекомендации своих внутренних экспертов, руководство компании Лотта, незадолго до кровавой гражданской войны в России, приобрело у тамошнего военного-промышленного комплекса внушительную партию костюмов радиохимзащиты.

Оприходовав дорогое импортное обмундирование, радостные специалисты отдела охраны труда решили незамедлительно провести учения. По плану, все сотрудники ЮРЛ должны были не только облачиться в радиохимзащиту, но и успеть покинуть комплекс в установленный промежуток времени.

Однако едва прозвучала сирена, как тут же выяснилось, что русские костюмы были на уровне и даже превышали все мировые аналоги, но к сожалению, сорокалетней давности, а в нынешнее время из всех наличествующих качеств, у них осталась лишь завышенная цена.

Подавляющее большинство сотрудников не справилось с хитроумными ремнями и застёжками. Многие не смогли герметично зафиксировать защиту или шлем, а некоторые из одевшихся, срочно разделись обратно, поскольку забыли вынуть предохранительную пробку из дыхательных клапанов. Кроме того, костюмы оказались твёрды там, где должны были быть мягкими, и наоборот, они гнулись и мялись в тех местах, где по логике им следовало оставаться упругими или жесткими. Инструкции по ношению костюмов были написаны кириллицей, а графические схемы ясности не вносили, поэтому вместо эвакуации, сотрудники собирались кучками, устраивали дискуссии, выдвигали многочисленные гипотезы и долго спорили.

Впрочем, рано или поздно, все такие рабочие группы сходились во мнении, что во-первых, самостоятельно, без посторонней помощи эти индивидуальные защитные средства надеть

практически невозможно, а во-вторых, русские по-видимому, обладают некоторой уникальной анатомической особенностью, проявляющейся в нестандартном расположении рук на поясице человеческого тела.

Поскольку в эвакуации принимали участие не только рядовые ученые, но и крупные шишки из заокеанского офиса, включая самого, полузадушенного костюмом Лотта, учения признали полностью провалившимися. Сотрудников отдела охраны труда решили уволить, устаревшие костюмы выбросить, а вместо них приобрести новую, современную и удобную, чёрт возьми, защиту.

И к моменту аварии, этот весьма нужный процесс шел полным ходом. Поэтому, в большинстве ключевых, по мнению руководства, помещений комплекса, вместо довоенных российских изделий, уже несколько лет как хранились изящные, легкие скафандры.

Само собой, Теренсу Макнили не повезло. Сисадмин изнывал под тяжестью старого русского костюма радиохимзащиты. В нем было жарко, он давил на плечи и одновременно натирал подмышки. Стекло шлема постоянно запотевало, а при каждом неосторожном движении, спаренные кислородные баллоны ударяли по спине и скользили на бок, норовя утянуть Макнили на заснеженный пол коридора. Падал ли IT-шник? О, да, часто. Кроме всех прочих достоинств, подошвы его костюма отменно скользили по опасному снегу.

"Ох, видимо, я опять что-то неправильно закрепил", – в очередной раз подумал Макнили, поправляя спадающие баллоны. – "Переодеться бы мне..."

Однако делать этого было категорически нельзя: после нескольких падений, костюм IT-шника сверху до низу был покрыт мелкой ядовитой изморосью. Любая попытка снять защиту, означала верное самоубийство, поэтому компьютерщик мучился, ругался, но терпел. И хотя прошло всего-то двадцать минут с тех пор, как Макнили покинул камеру сисадминов, ему казалось, что минула целая вечность или, даже, две.

Главный туннель между ЦУР и репликационной камерой находился за огромными бронированными воротами, в правой створке которых, имелась небольшая дверца для тех путешественников, чьи габариты были существенно меньше размеров автобуса.

При помощи огнетушителя, отборного мата и пожарного багра, Макнили отворил проржавевшую насквозь калитку и осторожно заглянул во тьму проёма. Потом он быстро высунул голову обратно и попытался перчаткой протереть снаружи, запотевший изнутри шлем. Это не помогло и IT-шник начал так, да эдак крутить головой, пытаясь разглядеть туннель, в не запотевший участок стекла. Через некоторое время, устав от тщетной борьбы с защитным костюмом, Макнили решил, что как ни крути, в туннеле всё равно темно, а поэтому, чтобы понять обстановку за дверью, лучше её слушать, чем смотреть.

Он закрыл глаза и прислушался. Теренс ясно уловил свое прерывистое, свистящее дыхание с хрипотцой и каким-то клокотанием, неровную барабанно-кастаньетную чечётку сердца и гулкое бульканье кислоты в пустой пещере голодного желудка. Враждебных и зловещих звуков из глубин туннеля IT-шник так и не услышал.

В кромешную тьму идти было страшно, но дальше тянуть время было стыдно, поэтому Макнили набрался смелости и решительно шагнул в проём.

Не тут-то было. Неуклюжий костюм радиохимзащиты оказался на полтора сантиметра шире и на два толще, чем проем калитки туннеля. Макнили этого не знал, и поэтому попытался зайти боком, потом под углом, а затем и ползком – головой вперед. Золотое правило, что если проходит голова, то и остальное можно втиснуть, для русской экипировки действовать отказывалось.

Макнили сопел, матерился и скрежетал зубами, но проникнуть внутрь не мог. В какой-то момент он даже начал присматриваться к большим воротам туннеля, но о том, чтобы вручную отводить их, и речи, конечно, не было. В конце-концов Макнили сдался.

Он сел у порога и глубоко задумался, но на ум ему приходил только старинный анекдот, заканчивающийся строчкой: "И, дети, больше никогда не ешьте желтый снег". Несколько раз мысленно проговорив это навязчивое напутствие, хитроумный Макнили, почувствовал себя гораздо легче, а потом как всегда, взял, да и нашел выход из тупиковой ситуации. В самом деле, свет на главном туннеле клином не сошелся, есть и другие пути. Например, ближайший через склад, который расположен как раз на этом этаже, там, дальше по коридору.

Макнили крикнул и осторожно, по стенке двинулся ко входу хранилища артефактов. Бедолага не знал, что прочнейшая ткань советского защитного костюма не выдержала борьбы с узкой дверью и уже дала нанотрещину.

10. Теорема о двух кривых

Пейзаж апокалипсиса должен потрясать, ужасать и отвращать. Но то, что Мишель Берк и Вита Хмель увидели за порогом поста управления ЦУР, более всего походило на радостный безмятежный вид рождественской открытки.

Для начала, катастрофа выглядела невероятно красиво. Широкие техногенные туннели превратились в уютные тесные норки. Коридоры со всех сторон обросли толстым слоем снега и льда, сквозь который пробивались геометрически точные сваи кристаллических блоков и стрел. И хотя электричества в большинстве помещений разоренного комплекса уже не было, зато сугробы постоянно излучали неяркий таинственный свет северного сияния, а миллиарды снежинок повсюду сверкали бриллиантовыми искрами. Вдобавок к этому, при попадании ярких лучей фонарей со скафандров на большие кристаллы, лёд ошеломлял девушек ослепительными вспышками света всех цветов и оттенков.

А ещё, казалось, в этом застывшем сказочном мире ничто не может угрожать человеческой жизни. Впрочем, это было обманчивым впечатлением, поэтому Вита Хмель не позволяла себе ни расслабиться, ни потерять бдительность.

А кроме того, впереди её ждал важный разговор, и Вита оттягивала момент его начала как можно дольше. Она сразу не решилась рассказать Мишель всю правду, и теперь это мучило девушку.

Какое-то время девушки молчали, сосредоточенно перебирая ногами. В ультраконах, настроенных друг на друга, слышался лишь звук дыхания и сосредоточенное сопение. Впрочем, идти было не очень сложно. Вопреки ожиданиям большинство ударопрочных герметичных дверей на пути девушек было почему-то открыто. Видимо, от скуки Мишель Берк не выдержала и начала мурлыкать себе под нос один из тех популярный мотивчиков, что вечно засоряют слух и постоянно вязнут на зубах. Вита молча закатывала глаза, но чувство вины не позволяло ей открыто возмутиться. Приходилось терпеть.

Спасение настало, когда девушки добрались до основного туннеля между ЦУР и камерой репликатора. Огромные ворота были заперты, но маленькая дверь справа была распахнута настежь.

– Мы пришли? – спросила Мишель.

– Угу.

Девушки по очереди пролезли внутрь. Света в главном туннеле не было, зато жёлтый снег здесь присутствовал в полном объеме. Из-под сугробов виднелись сгнившие рельсы и очертания ржавых останков электропоезда. Беглый осмотр возможных средств передвижения показал, что ядовитая субстанция уничтожила всё. Велосипед обходчика туннеля и тот превратился в полную труху.

– Черт! – выругалась Мишель. – Мы целый час убили на пешую прогулку по комплексу, а впереди бог ещё знает, сколько километров пути.

– Шестнадцать, – уточнила Вита. – И без транспорта нам придется туго. Можем опоздать.

Осторожно двинулись по перрону вперед, потом пришлось сойти вниз на боковую сторону туннеля. Опасный снег под ногами не скрипел, а противно и ломко хрустел, царапая подошвы башмаков. К счастью, ощутимого вреда скафандрам он не причинял.

– Куда опоздать? – спросила Мишель, отмечая начало неприятного разговора.

Вита Хмель тяжело вздохнула. И начала:

– Знаешь, я не всё тебе сказала... Ну, насчет плана по спасению мира...

– ??? – сопение в ультракон напарницы несколько изменилось. Судя по всему, оно приняло вопросительный характер. Мишель Берк насторожилась, но продолжая молчать, она побуждала Виту к дальнейшим признаниям.

– Я думаю, нам не выбраться отсюда живыми. Вернее, даже не так... Я уверена, что нам нельзя отсюда выбираться. Мы не должны...

– Из-за того, что живой снег может вырваться наружу?

– Угу.

– И что ты хочешь сделать? – голос Мишель звучал отстраненно, безжизненно.

– Взорвать репликатор. Мне кажется, его мощности должно хватить чтобы всё здесь расплавить к чертовой бабушке и превратить комплекс в герметичный саркофаг для этой снежной дряни... И для нас.

Но это признание было лишь частью того, что должна была сказать Вита, однако самую важную вещь она так и не решилась произнести.

* * *

Пока в главном туннеле Вита Хмель и Мишель Берк обсуждали планы на будущее, Теренс Макнили ещё не знал, что перспектив у него больше нет, поэтому он доплёлся до входа на склад и беспрепятственно проник в зону хранения артефактов.

Пожалуй, снега здесь было больше, чем где-либо ещё. Например, чтобы пробраться к транспортёру гермокапсул, IT-шнику пришлось ползком взбираться на гору осыпающейся жёлтой гадости. А потом, добравшись, наконец, до цели, Макнили был вынужден руками откапывать наружные части механизма, дверцу короба и освободить полотно ленты транспортёра "А". Никогда до того момента унылые стены склада ещё не слышали столько громких слов да ярких эпитетов. И слава богу, что механизм транспортёра "А" оказался

сделан не из металла, а высокопрочного пластика, не подверженного воздействию ядовитого снега, иначе ругани было бы ещё больше.

Закончив работу снегокопа, уставший Макнили заклинил створки ворот и врубил транспортёр. Двигатель натужно загудел, лента дернулась и с неприятным клацаньем поползла в темноту короба транспортной системы. Теренс примерился и лёг на движущееся полотно, которое успешно довезло его до зияющего отверстия короба.

Правильно. Макнили в шлюз не пролез, ибо если вы носите защитный костюм российского производства, то размеры входного отверстия необходимо проверять заранее.

Тут Макнили спрыгнул с транспортёра и, начав монолог со слов: "Как, опять?" – поведал складу свои эмоции выраженные в манере, достойной самого Николаса Никерса.

Разогревшись крепким словцом, IT-шник поднял свой боевой дух и, выдрав с корнем дверцу короба, принялся крушить ею шлюзовую коробку транспортёра. Время от времени он останавливался, ложился на ленту конвейера и примеривался. В конце концов, Макнили удалось расширить проход настолько, что он почти без затруднений смог протиснуться внутрь. Теперь можно было лечь, закрыть глаза и немного отдохнуть.

Поскольку Макнили всё ещё не подозревал о неумолимо расширяющейся микротрещине на левом локте костюма, то единственное, о чем волновался IT-шник, лёжа на узком полотне движущейся ленты, было внезапное озарение про выход из транспортёра, который должен был оказаться столь же узким, как и вход в него.

Впрочем, Теренс настолько вымотался за этот безумный день, что решил оставить все возможные проблемы на потом. После чего Макнили широко зевнул и, устроившись насколько это было возможно удобно, заснул со счастливой улыбкой на лице.

* * *

Тяжелая пауза затянулась. В течение часа девушки шли молча и невесело думали о скором и неизбежном. Чем дальше они отходили от ЦУР, тем меньше становилось ядовитого жёлтого снега. Сквозь лёд начали проступать очертания коридора, то и дело из-под кристаллов выглядывали окисленные скелеты металлических конструкций туннеля, кабельной системы, вентиляции. С понижением уровня снега одновременно становилось больше пара, видимость значительно ухудшилась.

В какой-то момент Мишель Берк неожиданно осознала, что в гробовой тишине, кроме шарканья их подошв, она отчётливо слышит монотонный гул какого-то механизма. Девушка немедленно остановилась и сказала в ультракон:

– Ты слышишь?

– Н-н, да... звук только что появился, – ответила Вита Хмель, отрываясь от тяжелых дум. – Но я не понимаю, что это такое.

– Кажется, он идет отсюда, – Мишель указала на стену справа.

Пошли вперед вдоль правой стороны туннеля до двери в служебный коридор. Видимо, из-за меньшего количества снега компьютерные системы здесь продолжали функционировать, поэтому признав сотрудниц ЦУРа, дверь открылась автоматически.

Внутри снега не было совсем, зато там работало аварийное освещение и мерцали дисплеи каких-то приборов. Гул механизма стал громче, он доносился из отверстия, над которым висела надпись "Грузовой транспортёр. Не влезать! Опасно для жизни!".

Подошли поближе и открыли защитную створку. Осторожно заглянув внутрь, девушки увидели конвейер, бесконечная лента которого шустро двигалась со склада артефактов, тащила на себе обломки пластика, пыль да горстки ядовитого снега. Из темноты по коробу разносились приглушенные звуки: далеко на складе что-то ломалось, рушилось и крошилось.

– Это транспортёр репликатора, – задумчиво сказала Вита, – и обычно он движется в противоположном направлении.

– Но сейчас нам по пути, – сказала Мишель, – предлагаю воспользоваться случаем.

– Угу. Полезли...

– Интересно, что там происходит? – Мишель кивнула в ту сторону, откуда появлялась лента.

– Склад, наверное, рушится... Да какая разница, если у нас всё равно билет в один конец.

* * *

Теренс Макнили проснулся от того, что его кто-то с монотонным упорством сильно долбит по шлему костюма радиохимзащиты. Удар, затем пауза в две с половиной секунды, потом снова хрясь, и опять пауза.

Повертев головой, IT-шник определился с местом и пространством. Оказалось, что он не только успел приехать в репликационную камеру, но и уже благополучно застрял в шлюзе грузового транспортёра, дверца которого безуспешно пыталась закрыться, но каждый раз била его по голове.

Это раздражало. Но самое главное: у Макнили чесался локоть, и даже более того, щипало, нет, с каждой минутой сильнее жгло кожу. Это боль волнами распространялась по руке, но противнее всего было то, что в неудобном костюме радиохимзащиты Теренс никак не мог вывернуться настолько, чтобы в узком пространстве шлюза, как следует изучить свой многотрадальный локоть.

– Чёрт, – громко выругался IT-шник. А потом немного подумал и добавил, – чёрт, чёрт, чёрт!

Вскоре после этого, сквозь преграду шлема радиохимзащиты он услышал приглушенные голоса, а затем поступил вызов ультракона:

– Макнили?! – воскликнула Мишель Берк. – Не верю своим глазам! Теренс Макнили, это ты?

– Я, – ответил тот, – а ты как здесь оказалась?

– Мы с Витой пришли.

– Привет, Терри, – подала голос Вита. – Как дела?

На пороге конца света трудно себе представить более идиотское приветствие, но Макнили настолько обрадовался человеческому голосу, что незамедлительно откликнулся:

– А, Вита, привет! У меня что-то с рукой... – сказал он. – Кажется, она не шевелится...

– Не волнуйся, сейчас мы тебя освободим.

Теренс услышал возню, какое-то царапанье. Его начали дергать и тянуть.

– Бесполезно, – проронила Мишель, – он прочно застрял.

– Оторвите дверцу шлюза, – посоветовал Макнили, – там всё из пластика, он хрупкий...

– Так вот, что это был за мусор на конвейере...

– Ага.

Послышался скрежет, и гадская дверца перестала бить Макнили по голове. Через некоторое время раздались удары по шлюзовой камере. Высокотехнологичный пластик выдерживал перепады давления и температур, но против резких ударов он был бессилен. Вскоре Макнили был свободен. Вывалившись из шлюза, он барахтался на полу, пытаясь подняться и закинуть за спину баллоны с кислородом.

– О, боже! Нет! – вырвалось у Мишель, когда IT-шник развернулся к ней левой стороной.

Макнили не мог проверить свою руку, зато он ясно видел перекошенное от ужаса лицо Мишель Берк. Все нехорошие предчувствия Теренса сразу же оформились в страшную догадку. Сердце его ударило в набат, а конечности начали отплясывать чечетку.

– Что у меня там?! Что?!

– Снег...

– Стой, не дергайся, – подошла Вита. – Я сама посмотрю.

Бегло осмотрев Макнили, она вынесла неутешительный вердикт:

– Всё, приехали. У тебя порвался костюм.

11. Предсказуемо грустный финал

Теренс Макнили молчал. Как только ему помогли выбраться из бесполезной радиохимзащиты, он ушел в дальний угол обширного помещения репликационной камеры, там сел на пол и замкнулся в себе. Вся его левая рука, от запястья до плеча, была поражена ледяными кристаллами, но зараза продолжала неумолимо распространяться и дальше.

Девушки в это время деловито колдовали у голографического пульта репликатора. Согласно плану Виты Хмель им требовалось перевести его в ручной режим, а затем вызвать максимально-возможную перегрузку всей цепи: репликатор, ядерный реактор и, наконец, коллайдер.

Незадолго до того, как всё было готово, неожиданно раздался вызов из реакторного отсека. Это был Эппл Грин. Оказывается, он и вся его группа до сих пор ничего не знали о катастрофе в ЦУР.

– Здорово, что вы наконец ответили, – обрадовался он. – А тут такое твориться, все буквально с ума посходили. Готовятся к концу света, представляете?

– Вы не далеко от истины, Эппл... – ответила Мишель Берк и рассказала ему про заражение живым снегом.

Когда Эппл Грин узнал о плане уничтожения комплекса, он попытался отговорить девушек, но Вита Хмель прервала его словами:

– Поймите, Эппл, пути назад нет. Мы всё равно должны это сделать! Так, что убирайтесь немедленно!

– Вы сумасшедшие, – в конце концов решил Эппл, – Дайте нам час на эвакуацию.

– Подождите, – сказала Мишель. – Прежде чем вы уйдете навсегда... Отсылаю вам данные, которые мы успели собрать об этих кристаллах.

– Ок, получил.

– И, ещё один момент, Эппл...

– Да?

– Не забудьте получить за это исследование нобелевскую премию, – пошутила Мишель.

Эппл Грин невесело усмехнулся и исчез из эфира. Таймер лаконично отсчитывал минуты до окончания эвакуации.

– Ну, вот, – через некоторое время сказала Вита Хмель. – Большая красная кнопка. Осталось её нажать, и всё.

В ответ Мишель, с трудом сдерживающая нервную дрожь в зубах, смогла лишь кивнуть.

– Знаешь, я не сказала тебе самое главное... – продолжала Вита.

– Вита, т-ты, полна сюрпризов с-сегодня.

– Давно хотела сказать тебе, но всё никак... А скоро уже будет поздно. Ну... В общем, я тебя люблю.

Таймер пикнул и прекратил отсчёт. В этот момент последние сотрудники комплекса покинули зону бедствия, а весь мир остановился в напряженном ожидании ядерного взрыва. Сотни видеокамер с безопасного расстояния были направлены на подземный вход в ЦУР, и взволнованные журналисты вели передачи на всех языках мира.

– Э-э, – выдавила из себя Мишель. – Неожиданно...

– Ну, я ведь ни на что не надеюсь... Просто хочу, чтобы ты знала...

Репортёры, как могли, отвлекали зрителей. Их ответственные, деловые лица, в прямом эфире, отражали всю серьёзность происходящего. Новостные агентства переключались то

в студию, то на место событий. Комментаторы обращались к специалистам, давали прогнозы и делали экскурсы в историю. Время шло, но взрыва всё не было.

Мишель залилась краской.

– Знаешь, – начала она, – я...

– Вы что же это, – сказал вдруг Макнили, про существование которого, девушки успели забыть, – решили всё тут взорвать?

От неожиданности Вита нервно подскочила, а Мишель, решившая ничему больше не удивляться, как ни в чём ни бывало сказала:

– Ну, да, – кивнула она, – ты же слышал.

– Не спешите. Я разработал план своего спасения. Правда из-за снежной заразы для меня он теперь бессмысленен, но вы ещё можете им воспользоваться! А комплекс взорвать могу и я сам, вы только покажите, какие кнопки нажать.

После этого, Теренс поведал девушкам свой замысловатый план побега в виртуальную вселенную и показал им, что надо для этого сделать.

– Правда, – добавил он, – мой план не безупречен: в нём есть несколько достаточно неприятных пунктов. Во-первых, для того, чтобы составить полные молекулярные карты, вам придется лечь под радиоактивный сканнер репликатора. Во-вторых, чтобы ускорить процесс сканирования и сократить время последующего воспроизведения ваших тел во "Вселенной", вам необходимо будет залезть в радиоактивную "печку" голыми, без скафандров. В-третьих, назад пути не будет. Я не гарантирую успешной телепортации в виртуальное пространство, но то, что вы погибнете от радиации репликатора – 100 процентов.

– Теренс, извини, но твоя идея, – сказала Вита Хмель, – несколько, как бы это сказать, авантюристическая.

– По моим расчетам это должно сработать. К тому же, что вам терять?

– Он прав, – вступилась Мишель, – выхода у нас всё равно нет.

Глаза Мишель светились надеждой и пусть, ей было жаль бедолагу Теренса, но шанс на спасение окрылял девушку. Откровенно говоря, несмотря на весь ужас происходящего, Мишель с трудом сдерживала радость. От этого ей было стыдно, она кусала губы и краснела.

Журналисты, да и весь остальной мир, тоже чувствовали себя несколько неловко. Прошло уже полчаса, но атомного взрыва так и не произошло. Свежих новостей не поступало, а перебирать всем известные факты о ЦУР, коллаидере и российском уране на черном рынке становилось скучно.

– Ладно, – пожала плечами Вита. После своего признания Мишель, она чувствовала необычайную легкость и свободу. – Почему бы и нет?!

– Тогда расскажите мне, – сказал Терри, – что надо жать, чтобы вызвать эту вашу перегрузку.

– Всё просто, – показала Мишель на голографический экран. – Сначала разгоняешь мощность, а потом сводишь луч на минимум. Всё. Через минуту-другую бабахнет.

– Ок, тогда нечего тянуть, – сказал Теренс, – сейчас настрою связь со "Вселенной", а вы полезайте в "печку".

Девушки начали раздеваться, а Макнили деликатно уткнулся в голографический экран. На самом деле, почти всё он сделал еще из каморки сисадминов, осталось лишь поднять интерфейсы. С этой задачей он справился за двадцать секунд и теперь его грызло искушение подсмотреть за девушками.

"Не надо. Ты взрослый мужик, серьёзный, – уговаривал он себя, – не девственник школьного возраста. Прекрати вести себя как ребенок!"

Всё было тщетно, глаза IT-шника то и дело сползали на бок. К тому же, он видел смутное отражение двух тел на гладкой поверхности столешницы. В какой-то момент Макнили сдался и быстро стрельнул глазами. Мишель Берк стояла к нему спиной, стянув гибкий скафандр до середины спины. Поэтому Макнили ничего сверхинтересного так и не заметил. Зато Вита Хмель была обращена к нему в профиль. Вот здесь-то Макнили неожиданно для себя узрел в облике девушки нечто лишнее. IT-шник внезапно осознал весь глубокий смысл значка ЛГБТ, а также понял, что гомофоб Николас Никерс, никогда бы не стал общаться с Витой Хмель, даже не смотря на её шикарную грудь: оказалось, что Вита Хмель, да простят меня трансфеминистки, не совсем натуральная девушка, в биологическом смысле этого слова.

Покраснев, IT-шник отвернулся. Под впечатлением от увиденного, он даже забыл про постоянную боль и страшные кристаллы, растущие из его руки.

Через какое-то время он услышал, как открылась и закрылась дверца сканирующего модуля. Вита Хмель и Мишель Берк были внутри.

– Знаешь, у тебя есть шанс, – тихо сказала Мишель.

– Правда?

– Замолчи пожалуйста и поцелуй меня.

Макнили ничего этого не слышал, поэтому подождав немного он громко спросил:

– Э-эй? Вы как там?

– Мы готовы, – услышал он приглушенный и почему-то очень довольный голос Мишель.

– Ок, поехали. Удачи!

Теренс запустил процесс. Сканнер резко вжикнул и затих. Под испепеляющими лучами радиации девушки мгновенно испарились, но их цифровые копии успешно были сделаны и переданы во "Вселенную".

Макнили облегченно вздохнул: половина рискованного дела была сделана. Далее, интеллектуальная система Юнити предложила наиболее подходящие координаты для преобразования окружающей материи в тела Виты Хмель и Мишель Берк. Благодаря программному модулю Ильи Бойко, виртуальная вселенная начала медленно, но верно, изменяться так, чтобы сформировать из своих атомов и молекул тела двух путешественниц. План Макнили работал и это было замечательно, но надо было ещё взорвать комплекс, чтобы раз и навсегда покончить с ядовитым снегом.

Стараясь не думать о последствиях и ничего не чувствовать, Макнили сосредоточился на конкретных действиях. IT-шник последовательно, четко и быстро выполнил все инструкции по приведению энергосистемы к перегрузке, после чего устало откинулся на спинку кресла. Хотелось курить.

Через полторы секунды Макнили осенило. Он вскочил и, не чувствуя боли в покалеченной руке, начал раздеваться.

"А, собственно, какого чёрта я раскис как тряпка? – думал он, лихорадочно настраивая работу репликационного сканера на автоматический режим. – Телепортируюсь во "Вселенную" и будь, что будет. С моей цифровой копией, можно сделать всё, что угодно и даже вылечить от живого снега!"

Закончив приготовления, Макнили решительно залез в репликационную камеру и закрыл дверцу.

12. И так далее

Макнили был умным, но довольно невнимательным парнем, поэтому, когда интеллектуальная система Юнити предложила ему наиболее удобную точку для телепортации во "Вселенную", он не глядя согласился с предложенным вариантом. Однако удобство, как известно, понятие относительное и то, что было хорошо с точки зрения компьютера, не совсем удачно подходило для людей. Впрочем, об этом чуть позже.

Галактика NC-48 "Куриная ножка" – удивительное место. Так уж повелось, что самые интересные события в жизни "Вселенной" обычно происходят именно на этом участке виртуального пространства. Например, сюда был направлен один из первых "глаз" Создателя, и где-то здесь Илья Бойко ставил эксперименты по воздействию на материю. И даже юный пират Диего Луиджи Санчес предпочитал устраивать засады тут, неподалёку.

Что и говорить, галактика NC-48 "Куриная ножка" – прекрасный уголок, однако к дальнейшему повествованию она не имеет ни малейшего отношения, поскольку Вита Хмель, Мишель Берк, а за ними и Теренс Макнили, переместились в совершенно иную точку пространства виртуальной Вселенной.

Три первопроходца угодили прямоком в центр гигантского безымянного пылевого облака, которое ещё не успело даже сформироваться в какую-нибудь более или менее приличную галактику.

Богатство химических элементов и прогнозируемость физических процессов делали это место наиболее привлекательным с точки зрения Юнити. Ирония состояла в том, процесс формирования человеческих тел занимал, в подобных условиях, 2 – 3 миллиарда лет. Настолько крошечный промежуток времени интеллектуальная вычислительная система игнорировала, а Макнили, в спешке, попросту не обратил на этот фактор внимание.

Впрочем, на самом деле, ситуация была не столь плачевной, как это казалось на первый взгляд.

Во-первых, по причинам, детально разъясняемым МУТО (многократно уточненной теорией относительности), в накладе никто так и не остался. С точки зрения троих путешественников, процесс телепортации должен был пройти мгновенно, при том, что всё остальное человечество автоматически становилось свидетелем грандиозного научного эксперимента.

Во-вторых, на фоне бездонной космической черноты, мерцающие очертания гигантских человеческих фигур выглядели невероятно красиво. Троица путешественников приобрела огромную популярность у романтически-настроенной молодежи. И несмотря на то, что Макнили там был явно лишним, вскоре безымянное пылевое облако получило название туманности Любовного Треугольника. В моду вошли свидания втроем.

И, наконец, последнее, Вита Хмель, Мишель Берк и Теренс Макнили не только предотвратили конец света, но успешно совершили побег из опасного ледяного плена и остались при этом живы.

Что касается происшествия в ЦУР, жёлтого снега и подземного ядерного взрыва, то последний наконец случился. Знатоки говорят, что он был грандиозен и составил порядка сорока мегатонн тротилового эквивалента. Журналисты были довольны, зрители шокированы, зато весь подземный комплекс, начинённый вредоносным снегом был уничтожен и похоронен под слоем спёкшейся в стекло породы. Позже, вокруг места катастрофы возвели саркофаг. Доступ в зону отчуждения был закрыт на многие годы.

Эплл Грин Нобелевскую премию так и не получил, зато за спасение персонала, он был признан героем, а его поступок отмечен наградами нескольких стран Евросоюза.

Несмотря ни на что, Энди Маковски выжил. У него обнаружился стойкий иммунитет к живому снегу. К сожалению, потрясение от всего пережитого было настолько велико, что несчастному начисто отшибло память. Поэтому выяснить, как он выбрался из заблокированного комплекса так и не удалось. Остаток жизни он провел в изолированном герметическом помещении в качестве объекта для научного изучения живого снега.

Одновременно с ядерным взрывом компания Репликейшн Солюшн Лэбораториз прекратила своё существование. Георга Лотта пытались арестовать, но он успел бежать и до конца жизни, скрывался от властей в неустановленном месте.

Проект репликации был заморожен, а все работы по нему свернули, пока не...